

Лев РОДНОВ

Эти мысле-тексты помещены в разрозненном виде в различные заказные книжки. А вообще-то они составляют единое полотно моих умствований по поводу нашей жизни

Содержание:

Гордиев бантик
Огонь от огня
Электра
«Эту землю любить...» (стихи)
Сила Духа
Толпа интеллигентов
Сделайте так, чтобы я захотел
Заметки на полях
Коллективное Оно
Закрой глаза и -- смотри!
Я плюс минус Я
С отплыздом и приплыздом!
Песня о Родине

ЭССЕ

ГОРДИЕВ БАНТИК

1.

Основным приемом для введения человека в состояние гипноза является способ концентрации внимания на точке. Человек волевым усилием заставляет себя следить за одним единственным предметом: пальцем гипнотизера, блестящим шариком, крестиком на бумаге, звездой в небе или поплавком. Десять, пятнадцать, двадцать минут однообразия и... гипноз. Мозг, не получая привычного изобилия внешних образов, переходит в иной режим работы, генерирует эти образы сам или, возможно, подключается к банку, нам неведомому. Но состояние измененного сознания, даже если оно приносит практические результаты, не может оставаться вечным, иначе это стопроцентная шизофрения. Однако такие опыты могут создать очень странную привычку — решать любое практическое задание жизни именно в измененном через медитацию сознании, частичном или полном гипнозе или самогипнозе. Так поле практической деятельности заполняется бесплодной, но

тем не менее взявшей на себя роль первостепенной значимости, ритуальностью. Балом править начинает ритуал.

Нехорошо обижать хорошего человека, кусать руку, которая тебя же и кормит. Но язык-то без костей, и моей добрейшей, тихой, как овечка, насквозь религиозной теще от меня достается. Действия зятя, то есть меня, напоминают хлесткие, обжигающие удары веника в русской бане: прямой контакт неизбежен, а прилипший банный лист — напоминание о сеансе мазохизма.

Лилю очень смущает постановка многих вопросов.

— Зачем тебе голова? — говорю, например. — Верующим мозги не нужны. Зачем думать, если можно верить? Легко и просто.

Лиля теряет, она знает, что всю жизнь была хорошим человеком, терпела страдания и старалась для жизни. Как ответить злодею? И она несет с утра пораньше смущенный свой разум в христианскую обитель, в храм. А батюшка уж наготове: «Истинному верующему искушения не страшны. Ты спасешься, он погибнет».

Если плата за спасение доброта типа: терпение плюс безмозглость — это мне лично не подходит. И я продолжаю испытывать язык без костей.

— Лиля, а ты понимаешь, что веришь не в Бога, а в ритуалы, в хитроумные технологии, которые спекулянты подсунули тебе, чтобы заполучить твою душу? Причем за деньги, за твои же собственные деньги?! Неплохо придумано, а? Они выполняют волю «шефа», который охотится за человеческими душами. Ты ведь знаешь, как он называется, да? И ему не нужны грязные, испорченные души, он, как на грядке, выращивает чистую экологическую продукцию — овечек.

А Лиля уж и плакать готова, а язык дальше мелет:

— А к чему это вдруг после падения коммунистической идеологии, в ожившей, как зомби, церкви, ведением ритуалов заправлять вдруг стали бывшие работники госбезопасности, милиционеры, расторопные зэки и в огромной массе своей бывшие комсомольские работники? Раскаялись? Искушение искать пошли? Что-то не верится без доказательств. Вера — она на то и вера, что критичность отсутствует, а идея опытных проверок исключена в принципе. Новые попы на новых теплых местечках пуще прежних изображают страдания и призывают страдать остальных. Лицо их лоснится, живот не умещается под рясой, как на карикатуре, а голос становится всё елейнее и елейнее. В общем, живут плохо. Лиля, ну скажи пожалуйста, почему мученичество — это хорошо? Ритуальная церковь заинтересована в калеках, в людях бессильных, безвольных, безмозглых. Другие ей не нужны. Это ведь госзаказ на «делание» легкоуправляемых, несамостоятельно мыслящих граждан. Политтехнология, одна из самых простых и удачных, какие только человечество рождало.

В общем, своего я добился — добрая теща заплакала.

Спасибо религии за абсолютные, крайние, как в математике, понятия. Итак. Бог без дьявола не имеет ни смысла, ни силы. Скорее всего лишь по своей врожденной склонности к однозначности люди до сих пор всё решают, которая

сторона в колесе жизни хорошая, а которая плохая. Иной раз, того гляди, и вовсе готовы переломить колесико. Ну, что ж, справедливость, как правило, торжествует на обломках, по крайней мере, русская справедливость. Молитва тем и коварна, что это - способ самообмана насчет эффективности самовнушения.

Так или иначе, нет-нет да и заходят в наш дом какие-нибудь недуги. Молитвы помогают плохо, боженька не эскулап (в сегодняшнем контексте боженька и ритуальное служение — одно и то же). Телесные посты, конечно, действуют оздоравливающе, а вот пост разума давно и безнадежно уморил его самого.

Каждый может сказать о себе, будто бы он жив или будто бы нет. Это самое «будто бы» реальнее и ощутимее самой жизни. И что вообще можно назвать этим словом — «жизнь»? Когда я смотрю на деревья, животных, на мир природного вещества вокруг себя и светила над головой, то я понимаю — всё это существует само по себе, вне зависимости от человека, и потому по отношению к нему смело может именоваться жизнью. Это фундамент, а всё остальное — игра, прихотливые голограммы, ступени разума и духа, по которым слепая плоть восходит до беспредельности. Ритуалов натуральная жизнь, похоже, не имеет вообще. А в жизни отраженной, играющей они (ритуалы) претендуют едва ли не на самую главную роль и соперничают с естеством, с фундаментальной основой всего и вся.

Большинство людей не в состоянии выработать схемы жизни сами и поэтому следуют схемам существующим, наивно полагая, что точное копирование выбранной традиции и есть самость. Носители традиции, существа, отождествившие себя с ней, как правило ортодоксальны и при встрече с иным агрессивны.

Однажды произошел трагикомичный случай, связанный с канонизированной на Руси выпивкой. Меня угораздило выйти из подъезда своего дома именно в тот момент, когда из соседней двери вывалилась большая развеселая компания — свадьба, героически гуляющая уже третьи сутки. К этому моменту все уже перешли на брагу. Меня мгновенно окружили утомленные весельем, опухшие, краснолицые люди и потребовали выпить за здоровье молодых. Я вежливо отказался, специально и громко подчеркнув, что вообще не употребляю спиртное.

— Что?! Он не хочет пожелать здоровья молодым? — заорала толпа.

Я еще раз пожелал молодым здоровья, счастья и наговорил множество всевозможных дежурных слов.

Пьяница никаких иных законов кроме пьянства не признает. И меня, беззаконника, окружили еще плотнее, сделав центром пристального внимания и «воспитательной работы». Женщины откуда-то из-под полы достали бутылку красного вина, торжественно ее распечатали и налили в грязный стакан.

— За здоровье молодых!

Я стойко отказался во второй раз. В воздухе отчетливо начало сгущаться нездоровое электричество.

Прошло немного времени, и в напряженной тишине, при последних

ласковых уговорах таким же чудесным образом появилась бутылка водки, припасенная, видимо, на самый черный день. Я по-прежнему отказывался пить и как заводной твердил, что желаю молодым здоровья. Мужчины перешли на мат, женщины галдели в тон. Апофеозом этой нелепой сцены стала бутылка шампанского, извлеченная невесть откуда и торжественно раскрытая перед самым моим носом. Шампанское оказалось в хрустальном фужере, который специально для меня принесли из дома. Я не пил.

Бить меня начали с наслаждением праведников, которым грехи отпущены заранее. Спасли трезвенника те же сердобольные женщины, которые образовали вокруг меня живое кольцо и пошли на прорыв. Кустами и кривыми дорожками я ретировался восвояси.

Встречают и провожают на Руси не по одежке и не по уму. Критерий прост: ты такой же, как я, я такой же, как ты. После чего ни одежка, ни ум уже не нужны.

«Будто бы жизнь» кипит и размножается над самой жизнью. Я не знаю примеров за пределами своего отечества, но полагаю, что и там картина похожая, особенно в странах, придающих ритуальности статус реалий.

За время жизни накопилось немало подобных наблюдений. Например, в подмосковном Монино, аэродроме и музее авиации при Городке космонавтов, я наблюдал летательную машину невероятных размеров. Вертолет с телом, напоминающим огромную буханку, двумя длиннющими винтами, ажурной фермой и шасси, издавека смахивающими на портовые краны. Под лопастями вертолетных махалок росли березы высотой в пятиэтажный дом. Они не помешали этому монстру приземлиться.

Было изготовлено всего две таких машины в советское время, в советской стране. На авиасалоне в Париже зрители в ужасе разбежались, когда «буханка» садилась на поле. При помощи "самой лучшей" техники разом были побиты все мыслимые рекорды и грузоподъемности, и высоты. Но и только. «Летающий кран» нигде не пригодился, оказался очень нерентабельным. Да, собственно, это никого и не интересовало. Главное, что он был самый большой в мире и что он установил рекорды. Единичный экземпляр, негодный для жизни, но великолепно подходящий для ритуальных действий, чудотворная икона от техники.

...И куда ни глянь во времени и пространстве, всюду в истории нашей страны лежат эти самые чудотворные мощи, единственный экземпляр, гордость нации, источник рекордов. Ценою жизни, времени и усилий огромного числа людей выволакивается на белый свет что-нибудь разэтакое, самое большое и — главное — неповторимое, годное лишь для пустопорожней гордости и такого же ненастоящего, пустопорожнего воспитания. А ведь жизнь — это безошибочный штамп! Она создает свои произведения в разнообразии, в массе и совершенстве. Хорошо, что наш Создатель не тщеславен, иначе Он создал бы всего по штучке, по одной огромной штучке: одна огромная рыба на всю Землю, один огромный человек, одна огромная бабочка, одна огромная травинка...

У всякой страны и у всякой общественной жизни есть нарядный фасад и ее повседневная глубина. В случае здорового развития они гармонично соотносятся, питая и дополняя друг друга. В случае с Россией глубина ее — это мощь и сила ада, а парадная вывеска — потемкинская деревня, школа показухи, изощренные методы наводить глянец там, где смердит.

Знаете, почему любят иностранцев на Руси? Им можно показать лакированную, внешнюю сторону жизни, и они этому поверят, думая, что вся жизнь на Руси такова, что внешнее соответствует внутреннему. А ведь это не так. В западной практике это несоответствие, конечно, же учитывают. Именно поэтому не ценятся за рубежом наши дипломы, купленные по большей части в переходах метро, либо каким иным способом. Да, собственно, и образование нынешнее мало чем отличается от купленного диплома. Оно слишком условно. Затраченные деньги практически никогда не возвращаются интеллектуальной сторицей. Свидетельство о высшем образовании — это некий ритуальный ценз внутри страны и грустное посмешище для всего остального мира.

Советская Россия еще пыталась бороться с очковтирательством, сегодня же это признак ловкости, доблести и удачи. Я хорошо знаю ненастоящего профессора, ненастоящего ректора ненастоящего университета, в котором люди получают ненастоящее образование. И всё это вертится и густо замешано на вполне настоящих деньгах, настоящем времени и настоящей жизни наших граждан. Они надыхаются этим воздухом, подрастут и станут частью этого института призраков. Можно легко продолжить: я читаю ненастоящие газеты, я смотрю на ненастоящих политиков, меня охраняет ненастоящая милиция и ненастоящие солдаты, я верю в неверие и опираюсь на него, пытаюсь защитить свою подлинную реальность...

Ритуалам фальши противостоят ритуалы естества: хоровые песни, бесконечные чаепития на рабочих местах, почти священная оголенность разноплеменных душ и тел в русских баньках, самозабвенное и сладкое самоистязание нации на огородных участках. Как утопающий за соломинку, хватается ненастоящий человек хоть за какое-нибудь убогое настоящее. Авось вывезет, авось выплыву. Миллионами цепляются за единственную соломинку! Жить-то как хочется! Выйдет пронырливый пройдоха к телевизионному экрану страны да и объявит счастье, а нация верит — началось! Вот и полегчало. На правой ножке подпрыгнем, левой притопнем, три раза в ладоши бахнем, вокруг себя обернемся, вот и будет у нас всё, что пожелается. В прошлый раз не получилось, так завтра, авось, обязательно. Практическая жизнь на этом самообмане все зубы себе поломала, а всё тигра из себя изображает...

Ритуалы жизни очень близки друг другу: жизнь без усталости штампует жизнь, ритуал штампует живых дураков.

Некоторая внутренняя уверенность в хорошей жизни подкрепляется в русском варианте состоянием ожидания и терпения, а не жаждой действий. Показуха настолько прочно заняла здесь свои позиции, что фактически играет роль коллективного разума. Если по-одиночке люди еще как-то сопротивляются и пытаются трезво смотреть вокруг себя, то собравшись даже в небольшой коллектив они сразу же оказываются зажатыми в рамки

беспощадной, господствующей ныне традиции, временной истины. «А что делать?» — разводят руками люди и вступают в партии, дают и берут взятки, соглашаются с абсурдом и терпят унижения. Именно коллектив позволяет вынести это всё и не сойти с ума. Толпа легко подчиняется умело навязанным правилам и потому безумна по определению. А митинговый сход строителей и участников потемкинских деревень и вовсе явление запредельное. Показуха (где-то глубоко внутри) прекрасно чувствует свою суть, осознает себя и видит изъяны. Но тем не менее продолжает строить и строить потемкинские кварталы, и совершать рекорды ради рекордов.

На Руси всегда было важнее услышать свежее мнение, чем высказать его самому. И это тоже производное от ненастоящего бытия. Может ли фантом заинтересоваться самим собой? Он живет и питается интересами, привлеченными извне. Рациональные иноземцы только диву даются — до чего ж наивны, легковверны и доверчивы папуасы этой огромной страны! Их ничему не учит ни пролитая кровь, ни огромные расстояния, ни уроки времени. Они учатся лишь одному — терпеть, ждать и верить. И вновь религия их флаг. Иностранцев на Руси любят самым особым образом — в захлеб, в засос, несравнимо больше, чем самих себя. Ведь их явление — почти уникальный и почти единственный шанс дать фантомам плоть чужих правил.

А взгляните, сколь легко и стремительно рождаются самозванцы в России, как ловко, в мгновение ока они захватывают реальность! Эмиссары ненастоящего, они учат ненастоящему всё вокруг. Поразительно и то, что именно с самозванцами связаны у нас самые скороспелые надежды. Посаженные царьки и королевы, президенты и президентки, самообъявившиеся профессора и академики — жизнь по объявлению. И что ни имя — чуть ли не бог, и что ни вывеска — едва ли не рай. Закрадывается мысль: уж не сам ли ад кроется за этими ненастоящими украшениями? Изменять и изменяться по мановению — игры дьявольские, игры одержимых разрушителей-революционеров, свято верящих, что смерть — это начало жизни, а смерть, насильно скрещенная со светлой мечтой, — это еще и светлое будущее. Самообман в окружении тотальных общественных декораций — проказа почти неизлечимая. И нынешние презентации, экскурсии, фуршеты (обязательно не хуже, чем у них!) — всё это, увы, продолжение шаманской индустрии очковтирательства, языческое преклонение перед силой превосходящей и малообоснованной, кичливость фактом собственного существования.

Вдоль и поперек потемкинской деревни снуют подержанные автомобили иностранного производства, люди торгуют и поют караоке. Всё разворовано, продано и вновь разворовано, и вновь будет продано в надежде на самое высшее воровство — украсть для себя кусочек счастья. Посреди потемкинской деревни — столб, на столбе — сапоги-скороходы, воры морды друг другу бьют: кому царем-батюшкой назваться выясняют. Показуха нынче деньги считает — кто, мол, не спрятался, я не виновата. И вон их сколько, не спрятавшихся, и у мусорных бачков, и у винных прилавков, и в зачумленных хрущобах. Ну да ничего, будут и на нашей улице рекорды. Всем миром поднатужимся, да, глядишь, на корону царишке-то и хватит. А вась, заступится, батюшка...

Самозванство на Руси востребовано и желанно. Даже посаженные президенты уже на следующий день чувствуют себя как наследные принцы. С другой стороны, существует всенародная жажда видеть в каждом посаженном временщике и надежду, и опору. Надежда на Руси — величина постоянная, а картина власти и ее сила непредсказуема как законы хаоса. Именно поэтому всенародная надежда, прекрасно чующая старый обман, но зачарованная новизной обещаний, — точнее, их нарядом, модными политическими одежками, хитами сезона, как правило, заимствованными со стороны, — век за веком не в силах отвернуться от очередного политказино и «калифа на час».

В искусстве чаще остается тот, кто вложил себя в гражданские поступки и лишь как следствие приложил к ним произведения своего искусства, сделал поступки неповторимыми и опознаваемыми по этим знакам. Среди художественного бомонда нет-нет да и возникают разговоры на вечную тему: что для кого и что кому — искусство для искусства, искусство для жизни или жизнь для искусства? Вопросы принадлежности, спор причины и следствия, чей приоритет выше. Всё это естественно для среды почти целиком состоящий из символики, значков, изображений, гармонических рядов, жестов и формул. По отношению к обыденности «значки» составляют утилитарную, вспомогательную роль. В России же произошла странная инверсия, причем, как мне кажется, в степени гораздо большей, чем где бы то ни было: практическая жизнь прислуживает значкам, знакам, значимостям.

Куда ни бросишь взор, всюду присутствует эта странная, всепроникающая и всепобеждающая атмосфера — ритуал ради ритуала. Смотрю в прошлое и вижу, что большая часть жизни была посвящена хождению на службу, где труд являлся не столько средством к существованию, сколько символом правильности самого существования. Всюду произносилась ритуальная ложь, анекдоты противостояли этой лжи, как ритуальная правда, пьянство и бесшабашность — как ритуальное самоочищение. Литература стремилась создать реальную жизнь, а реальная жизнь целиком являлась литературным процессом, то есть выдумкой, игрой фантазии. Тем временем вещественный мир превращался в застывшую фантазию, переставал играть своим многоцветием и всеми силами и средствами пытался заморозить фантазию внутреннюю. Собственно, именно на этом набирает силу и в итоге рушится любой Вавилон и его союз с инквизицией.

В России в течение XX века произошли молниеносные трансформации. От идеального ритуального ряда, обращенного к божеской идее, веры в царя, жизнь обратилась к материальному, коммунистическому обману, и в конце концов, как апофеоз, идею жизни заменила прямая выгода, деньги. Именно они стали предметом поклонения, сбывшемся Маммоной, и имя им — Вера, Надежда, Любовь. Деньги сегодня находятся вне моральных критериев и нравственных законов. Безнравственна и аморальна сегодня Святая Троица - и вера, и надежда, и любовь. (Разумеется, и восходящий, позитивный процесс неизбежен: выгодно будет быть и духовным, и умным, и порядочным, но это не сегодня, не сейчас, когда-нибудь.)

2.

Интересно присмотреться детально к области, где искусство существует ради искусства в чистом виде. Ритуал порождает ритуал, является смыслом, началом и концом этого действия. Литература, живопись, балет, философия, — все они целиком и полностью построены на символах. Язык искусства является законченным в себе самом. Именно искусство самодостаточно как ритуал. Сама собой напрашивается параллель между законами искусства и загадкой русской души, русской жизнью, а точнее — жизнью по-русски. Словно перезревшие дети играют русичи в правду и в кривду. Сама условность игры позволяет менять правила и легко им верить, проклинать предыдущий кон и надеяться на новый, менять ведущего и надеяться на игру ва-банк. Игра хороша для шулеров и счастливиц. Общий же ее итог — всегда проигрыш: потеря времени, потеря жизни. Тут тебе и балет в бюрократических очередях, тут тебе и философия с литературой на три буквы.

Русская жизнь не в состоянии отличить искусство от искусственности, поэтому она с легкостью бросается в любую из этих крайностей. Так сочетаются и уживаются в русской культуре образцы высочайших произведений искусства и непостижимая абсурдность всего искусственного в обозримом прошлом, настоящем и, наверняка, будущем. «Гиганты духа — карлики жизни», как говаривал мой приятель-художник.

Разницу между настоящим и ненастоящим во всем мире делает обоюдно допустимой институт выпивки, пожалуй, не менее понятный и демократичный, чем секс или война. Пьяный, как ребенок, легко и естественно спишет неудавшуюся реальность на счет неудавшейся выдумки. Так же, как приятная для самолюбия фантазия, реально утешит чувства. Амплитуда между тем и другим в России огромна, поэтому институт всенародной выпивки давно превратился в академию. Эрзац самоудовлетворения, добытый браконьерскими ритуальными методами, настолько быстро и легко снижает планку умения критически оценивать себя и ситуацию вокруг, что само собой напрашивается какое-нибудь очередное «верую!». Удобно управлять таким народом, которому путь из невежества заказан обольстительным внушением о собственной избранности и планетарным предназначением. Самовлюбленный дурак не требует охраны.

Природа снабдила глупость стремительным механизмом: чтобы преодолеть самое себя она всегда стремится чему-либо соответствовать. Легче всего соответствовать схеме, а за неимением своей собственной схемы никто и ничто не мешает воспользоваться заемной. Более того, умело натягивая опорные ниточки над дикорастущим садом российской жизни, можно заставить подниматься колонию вьюнков в нужном направлении. Не само существо человека соответствует сущности вещей и движений вокруг него, соответствие вполне удовлетворяется так или иначе исполненными правилами. Чему именно соответствовать — задаст мода, обстоятельства или насилие, а как именно это делать — растолкуют "специалисты" и правила.

Обратите внимание на два этих мирно уживающихся слова: «правила» и «делать». Исполнение правил наполняет русского человека удовлетворением. Несмотря на то, что правила меняются, как чехарда, удовлетворение остается неизменным. В качестве народа Россия породила актеров, не имеющих написанных ролей. И действие на сцене истории складывается как сложится, подчиняясь то окриками из-за кулис, то репликам из зала. Чему соответствовать? Собственного ствола нет, вьюнок без опоры поляжет. Не люди здесь пишут свою жизнь, а наоборот, жизнь пишет людей, так, как это она делает в дремучем лесу, смешав в непроходимую тайгу и редкие травы, и горькие яды, и мелкую ягоду, и своих исполинов. Невозможно представить, скольким всевозможным схемам в веках и тысячелетиях улыбнулось здесь счастье обрести плоть, невозможно и счесть тех, кто готов был соответствовать и операться на них. Жажда соответствовать чему угодно: молитве, фюреру, правилам, историческим представлениям, собственному упрямству, очередной заморской моде, — эта жажда не проходит бесследно, она возвращает своих адептов, оставляя их на пространстве страны и еще более умножая и без того огромный арсенал схем гражданского бытия. Мира на этой свалке нет, поэтому здесь очень любят говорить о мире. Гражданская война в России — состояние перманентное. Вера на веру, мысль на мысль, образ на образ, брат на брата. Любая страсть соответствовать чему-либо не имеет предохранителя — терпимости. Поэтому глупость любит напускать на себя важный вид и говорить: «Истинно». Для полноты картины остается короновать дурака и дать ему в руку гранату.

Зато существуют короткие сценарии персональных жизней, вписанные в глобальную бесценарность российского бытия. Короткие, на практике не долее одной жизни, линии судьбы, линии поведения гениального фюрера или безымянного обывателя — все эти личные траектории объединяет единственный опознаватель, слово «ради». Без этого «ради» люди на земле, а в России в особенности, не могут существовать коллективно, оно позволяет им значить в глазах других, даже в глазах гипотетических, не во плоти. В муравейнике по имени Русь каждый муравьишка твердо знает свое «ради». Люди живут «ради бога», «ради детей», «ради будущего», «ради удовольствий», «ради поставленной цели». Никто не живет просто так, вокруг непрерывная "ради"-активность. Личные сценарии жизни, особенно в подростковом возрасте, весьма гипертрофированы. Это компенсация, месть, реванш за отсутствие единого, общего сценария жизни народа. А ответ на так называемую «загадку русской души» я бы посоветовал искать в обезьяннике. Сценарии личные уютно встроены в сценарии общественной жизни: сценарии рождения, работы, учебы, пенсионного бытия, пожара, наводнения, посещения садовых участков. И вроде бы — порядок. Если не смотреть со стороны. Скажет, бывало, человек: «Полный порядок», — будто убеждает себя в том, чего нет. Серьезного ответа на вопрос: «Для чего живем?», — русский разум дать не может, вот и бежит в леса, к бутылке, прячется в похоти или шутовстве.

Мне кажется, что и сама-то ритуальность не стоит на месте. Постепенно она сползает вниз, к земле, к прямому, полужвериному язычеству, туда, откуда начался ее круг. Свободная богема и невоспитанные подростки, ученые мужи и

набожные старушки, брюзжащие старики и геройствующие нувориши, — все так или иначе находятся в жестких тисках того, что «положено». Бунтари изредка совершают дерзкие показательные побеги из этой тюрьмы, но их возвращают, или, что чаще, они возвращаются сами. Вне ритуалов жизни в России нет. Без тоста и водка в горло не ползет. Всё становится более грубым. Очевидно, это закономерный объективный процесс: неодушевленное усложняется, одушевленное катится к своему началу. И ритуалы стали напоминать первобытных болванов. Человек не столько действует, сколько обозначает действие, при этом обозначение имеет статус выше самого действия. Наиболее употребимы и в ходу именно обозначения — это самая звонкая монета на Руси.

Россия — родина пиара, природная лаборатория оповещения, деклараций и показухи. Многие оказались опущенным донельзя. Сам ритуал тоже подвержен этому «ради». Ради чего он существует и исполняется? Еще не так давно, в веках XVII-XVIII, действия людей обставлялись вполне мотивированными, культовыми сверхдействиями — ради чести, ради достоинства, ради правды, ради того же Бога. По крайней мере, планка задавалась высоко, выше чем простая вещественность. XIX век, разбудивший силу бунтарских идей, опустил музу вдохновений и молитв до воплощения в прокламациях и митингового просветительства. XX век — век переворотов, перевернул он и смысл ритуальной службы. Если раньше ведущим словом было слово «нельзя», то сейчас оно переменялось на «можно». Молитва запрещающая стала молитвой разрешающей. Ритуал умер. Планку жизненного «нельзя», которую он охранял, каждый стал двигать по своему усмотрению, и запруда русской цивилизации пришла в движение. Река истории помелела, прошлое заболотилось, а будущее стало нечем питать. Нас отпустили, мы и опустились. При этом все схемы существующие уцелели как ни в чем ни бывало: им ведь без разницы где и какой живой материал для себя использовать.

Анатомируя власть схем, нельзя не упомянуть главного катализатора этого процесса — природу индивидуального и коллективного человеческого эгоизма. Персональный эгоизм, как одноклеточное животное, мыслит рамками своей клетки. Для жизни клетке достаточно самой себя и временного отрезка длиной в мгновение. Клетка однозначна, жизнь ее предсказуема. Любое общество — это коллективное «Я», а значит, тоже эгоист, совокупные эго, раздвинувшие рамки мгновения и распространяющиеся во времени. Наличие и сила коллективного эго узнается по способности подчиняться: все как один или один как все — «по плодам узнаете их». Похоже, поведение коллективного эго непредсказуемо, это генератор случайных чисел, читай: случайных схем, случайного поведения. Реальные ритуалы позволяли держать непредсказуемость на цепи. Их бутафорские выкидыши сегодня тщетно тужатся и изображают из себя силу бывших родителей. Имитатор, утверждающий, что он не обманщик, дискредитирует себя самым безнадежным образом. Сегодня ведь условности для условной жизни не нужны, можно

действовать без мотивов в любом направлении, хоть в преступном, хоть в богоборческом. В этом, кстати, огромный плюс и огромный шанс жизни на самоисцеление, на избавление от схемозависимости: дойти до дна живым и захотеть сознательно оттолкнуться, всплыть...

Каждая новая формация на Руси не берет на вооружение схемы манипуляции общественным сознанием из прошлого целиком, но непременно усекает их, опуская под себя. Перевороты в России чреватые, как суета на болоте. Страдают все: и люди, и культура; и культы, и культовая атрибутика. Как дети с легкостью рушат свои фантазии, уверенные в том, что на место разрушенных явятся новые, так русичи рушат свой быт, приравняв его законы к законам детской фантазии. Чудо происходит всегда одно и то же — смерть нации в рассрочку. От страстных молитв перед Куликовской битвой до политтехнологий по созданию имиджа одна дорожка — русская горка. Это ведь очень удобно, когда форма не задает, а обозначает содержание. Но, опять же, обозначение приравнивается к реальности и общество радостно с этим соглашается, потому что это общество — Россия.

Из нынешних ритуалов исключено «лишнее» — нравственность. Правит чистая форма. Идеология неоязыческой выгоды очень проста — имидж и деньги. Имидж не нуждается в добром имени. Простодушные обыватели заблуждаются, считая, что это не так. Имидж покупается и делается по схеме, а схема строится и питается деньгами и глупостью. Опять тотальная ложь, тотальное лицемерие. И как защититься? Да всё так же — пьяницы честно и реально погибают, дети оскотиниваются и им это нравится, люди, работающие на земле, ведут полуживотный образ жизни. Это честные люди. Они не утверждают, что они изменились, стали другими, они такие, какие есть. Возможно, именно они и спасутся. Спасутся в том смысле, что будут жить ради жизни и сохранят свое «Я».

Если схематичность поведения первична, то ритуал берет на себя управление жизнью, не имея на то ни природных сил, ни божеских прав. Достаточно оглянуться вокруг, чтобы увидеть странности сегодняшнего дня. В России ритуальная армия, ритуальная власть, ритуальное образование, ритуальная милиция, ритуальная вера. Схемы внутри человека нет, а если и есть, она послушно повторяет схему внешнюю, которая целиком построена на страхе. Внутреннее «нет» подменило внешнее «нельзя», боязнь наказания за «выход за рамки» навязанного сценария. Перевороты, потрясения, макро- и микрореволюции, психопатичные русские герои, ищущие ритуальной смерти себе или другим (на миру и смерть красна, неважно чья). Смерть — апофеоз ритуала, она в ходу, как и прежде. Русский ритуал не любит живых, он обожает мертвых, питается ими и заблаговременно их плодит. Прodelайте-ка мысленный опыт: а ну как отменяют всё «обязательное», «обязательное во имя»: церкви, армии, выборов, родины... Мало что останется.

А ведь ритуал нужен! Чтобы впасть в состояние, в особое состояние, в целую обойму особых состояний. То есть, это всего лишь вспомогательный инструмент управления самим собой. Собственно, так это и делается в

грамотном мире. Государство можно считать окончательно подлым, если оно присваивает себе то, что ему не принадлежит — подданных, граждан, имеющих паспорт этого государства. Монстроподобная государственная машина всегда будет стремиться управлять людьми, лишив их с помощью различных социотехнологий способности управлять собой, быть собой, иметь свою собственную голову и сердце. И опять - показуха! страсть к обозначениям! По-сути, ненастоящее государство плодит мертвых героев и полуживых участников жизни, лишая их полноценной интеллектуальной и духовной дееспособности. Имитация всепроникающа, потому что (как это ни печально и ни парадоксально), она всенародно ожидаема. Вера в чудо и участие в манипуляциях фокусников — одно и то же.

Но сегодня ритуал не соответствует больше своему предназначению. Он больше не помогает «достичь состояния». Это уже стопроцентный, состоявшийся язык имиджа.

3.

Народ-зомби, трижды убитый: физически, интеллектуально и духовно. И ритуально оживленный, трижды оживленный. Всё приведено в действие, всё так или иначе весьма активно. А имитация соответствующего ритуала позволяет имитировать даже духовность. Достаточно взглянуть в лицо главы государства, осеняющего себя крестным знаменем в пасхальный день, чтобы понять всё. Имитацию от ее противоположности легко отличить: ложь — обязательно! — красна лишь на миру, она громогласно именуется жизнью, хотя все знают и понимают — это смерть. И проснуться бы, стряхнуть с себя чары, да ритуал не дает: смерть за поиски жизни карает смертью.

Склонность к соборности русского народа — это не предмет для гордости, это ловушка, кладбище мамонтов. Именно в соборности «все как один» и «один как все». Вирус личного самозабвения очень опасен и агрессивен. Независимость собственного внутреннего мира охраняется в одиночку, так как не бывает «здорового смысла на двоих», на троих или на всех как один. Ритуал делает из миллионов людей одного большого дурака. Даже у моды-однодневки возникает невероятная сила и появляются невероятные возможности, если случается пожар подражательности на пересохшем поле русской жизни. В будущее больше никто не верит. Сегодня будущее планируют. При этом личный разум и общественное сознание далеко не одно и то же.

Это можно проиллюстрировать рассмотрением личных и служебных интересов человека. В личных своих мыслях рядовой русский чиновник, например, запросто планирует свою жизнь на десять, двадцать и тридцать лет вперед. Когда же его мозг выступает в роли общественного сознания, то служебный разум с трудом может сорентироваться на день-два, в единичных случаях - на полгода вперед... Что-то тут не так. Почему стратегия личного прозрения невероятно опережает стратегию коллективной жизни? Ответ один: соборность — это миф. Коллективной жизни и коллективного разума в России не было и нет. Хотя кое-что служебная стратегия планировать всё-таки

позволяет: «вот если я продержусь на этой должности еще лет десять, то смогу взять для себя (читай — украсть) то-то и то-то». Чехарда ритуальности, путаница схем и правил не позволяют коллективному разуму вырасти до всенародного защитника, до самоосознания нации. Атаке ритуальности может сопротивляться только едино-личная жизнь. Да и то в исключительных случаях.

Ох уж эти банальности! Человек, как книга: сначала он «читает» лишь себя самого, потом, разившись, учится читать других (но тоже в себе, поскольку не медиум), и наконец он читает в себе «Бога», так как негде и неоткуда больше взять этот «текст». Всё только в себе. Всё понимаем, всё видим. Как греет душу это понимание, как радует глаз картина правды, которую щедро поставляет обложенная со всех сторон условностями и проклятиями взнузданная фантазия!

Всё - в тебе. Все Достоевские, все идиоты. Книги бумажные процессу «самопрочтения» способствуют дважды: сначала помогая проснуться в разуме, теориях, схемах и суете, а потом помогая, в конце концов, успокоиться. Полная книга бытия содержит и то, и другое: что ищешь, то и найдешь. Каждый на Руси сам себе "священное писание", да редко кто действительно выдумал его сам, всё больше тех, кто отдался кому-нибудь или чему-нибудь «главному», «на милость победителя». Так бессильные гордятся не своей силой, -s оттого, что находятся под ее покровительством и сенью. Интересно было смотреть на кукольные муки вокруг, с позволения сказать, нового гимна для, с позволения сказать, новой России. Полнейшее бессилие! Змея не смогла вылезти из старой кожи.

Нижеследующая мысль кажется мне важнейшей, ключевой. Реальный ритуал человеческой жизни вырастает естественным, эволюционно-историческим путем на основе непрерывно текущей реальной жизни от пещерного мычания до соборного песнопения. Настоящий ритуал венчает развитие жизни, как удивительный цветок. Он — ее вершина, ее украшение, неотъемлемая составляющая часть древа культуры. В России же ритуал чаще всего — это начало новой жизни, переименование, перекрашивание, перекраивание старых схем, видение начала в разрушении. Ритуал не может быть родителем жизни, этот бред и постичь-то невозможно, но мы ведь есть и мы в нем живем, и как выйти — не знаем. Работница кафедры всерьез советовалась со мной: «Пора бы уж диссертацию делать, коллега пообещал за тридцать тысяч рублей написать. Как думаешь, недорого?» Я думаю, что недорого. За вранье в России и жизнь не жаль положить.

Игра с будущим стала в большей степени опираться на игру с формой жизни, отодвинув приоритет содержания на план желательный, но необязательный. Форма жизни сегодня первостепенна, это ее праздник. Простая оболочка перемещается во времени куда успешнее, чем содержательная информация. Достаточно слепо повторять из поколения в поколение языческие поклоны, чтобы каждое новое поколение наполняло их своим содержанием. А если содержание утеряно или испорчено? Генные повреждения внутри семени... Но оболочка всё равно доставит семя по назначению, в будущее. Иногда мне

кажется, что сегодня все мы присутствуем при конструировании новой скорлупы, новой капсулы неотрадий для путешествия в завтрашний день. Этот орешек, заложенные в него безбожие и деятельность, скорость и силу, не раскусить даже именем Бога...

Вот так я и договорился до зерен дьявола.

Скорость, безмерная скорость — главный сегодняшний идол. Куда успеть? Не важно. Главное — успеть, главное — скорость. Включиться, влиться, вырваться, не утонуть, уцелеть... Знакомо? Правилам нового культа подчиняются все, даже божьи, поэтому нетрудно предсказать судьбу устаревающих идолов. Они напоминают сумасшедших, которые выходят на сверхнапряженную трассу цивилизации, воображая себя регулировщиками, стрелочниками, вещими знаками, спасителями этого несущегося мощного потока. С точки зрения потока, являющегося олицетворением скорости и поклоняющегося этой скорости, помехи на дороге — это только помехи, создающие дополнительную опасность. Они будут либо уничтожены, либо сметены на обочину, что, собственно, в так называемых развитых странах и произошло. В русском варианте ни одна уважающая себя «помеха» на обочину не согласится, хотя ее вполне устроит театральная, смакуемая гибель. У проигравшего на Руси всегда есть последний шанс на победу — мученичество.

Суэта-суэта... Суэта — поводырь и пастырь шести миллиардов, и остановить ее можно лишь в одиночку.

До своей смерти культ питается человечинной, после смерти он становится явлением культуры, чтобы питать человечество. Язычество позволяет идти от низшего к высшему. Но подлость и глупость могут развернуть этот путь на противоположный.

К слову, само писание подобных текстов — это попытка вывернуться в самом себе (мол, я с вами, но это не я), и частые произношения по заявленному поводу: «чур меня, чур!» Слова еще никому не помогли на этой земле, но разговор с самим собой в присутствии другого может быть полезен. Первым в тебе проклянется твое собственное слово, которое поможет начать свое собственное дело. И схема жизни, и материал для ее плоти, воплощения, всё заключено в самом человеке. Не ищи "вечной" опоры сам и не становись "вечной" опорой для другого — вот и свобода, вот и жизнь. Мы зависим друг от друга больше, чем алкоголик от водки.

А честной люд куда-нибудь да лезет — кто в политику, кто в бутылку, кто в петлю, кто за границу. Еще одна черта столбовой дороги русской цивилизации — стрелочников больше, чем движения.

Скажите, где еще, в каких Тмутараканях, передовое служит примитивному?! Руководитель секты, купивший на деньги прихожан дорогую машину, разве редкость? Норма. Скажите-ка, когда это правда на Руси приносила благополучие? То-то. В конкурсе обещаний всегда выигрывает тот, кто лжет чудовищнее других. Совесть, механизм личной непозволительности, сузил свои права. А непозволительности, которая живет в общественном мнении, теперь не существует и вовсе. Ситуация и впрямь напоминает

лабораторную. А что дальше? Никто не знает. Поэтому все ждут.

Что-то очень постыдное и непривлекательное есть в нашей национальной склонности к самокопанию. И надо понимать, что никому, кроме нас самих, до этого нет дела. Ментальных врачей не существует, зато существуют ментальные убийцы. Не стоит помогать им путем самоубийства, лучше исцеляться, чтобы не было больше подобных разговоров и самокопаний. Наверное, это главный признак здоровья нации — она перестает себя анатомировать и ковыряться в своих болячках, являя их миру, как наивысшую ценность. Если это старость, то нужно достойно подготовиться к смерти, если это врожденный дефект, то не стоит возводить его в ранг национальной гордости и особой черты. Здоровое «не болит», подобным образом «не звучит» и не стремится прилипнуть ни к какой волшебной, сиюминутной сиятельности.

В свете вышесказанного ко мне легко приклеить ярлык человека из прошлого, ритуально брюзжащего по поводу падения нравов. Но любой брюзга на эту тему — человек из будущего, призывающий не наслаждаться катастрофой. Своим детям я обязан сказать: будущее отвратительно, законы безнравственности ничто по сравнению со звериным периодом выживания, который нас ждет; моралью станет просто борьба за факт своего существования. Тот же, кто понесет в себе зерна человека и человечности дальше, вынужден будет противостоять мраку в самом себе, - быть лучше и мощнее его, потому что противостоять больше негде. Любое противостояние снаружи, в мире внешнем, имеет пометку «слишком поздно». Нельзя ухудшению внешнему дать в пару ухудшение внутреннее, пойти по пути адекватности.

Племя людей на Земле напоминает мне мыслящий дождь. Каждая отдельная капелька способна мыслить категориями неба, породившим ее. Духовные тучи над Россией всегда были густые и с молниями, пришло, видать, время «пролиться водам». А капельки и не возражают.

К сожалению, статья несет в себе интонации злопыхателя, типичного толмача на Руси, частичного неудачника, - почерк мысли любого гражданина с русским паспортом. Я уверен в том, что я говорю, и я разочарован в том, что я говорю. Возможно, при редактировании захочется кое-что изменить. Трудно быть весельчаком и оптимистом там, где уместнее молчание. По крайней мере, разглагольствования дилетанта помогают не скатываться к "изображению" жизни, к образу бодрячка, и не приговаривать на каждом шагу: «Всё отлично, полный порядок». Хотя, честно говоря, всё именно так. Никто ведь не знает — я изображаю то, что я есть, или я есть то, что изображаю. Сила жизни совершенно беспрепятственно перетекает из мира привидений в мир плоти и обратно. Очевидно, ей абсолютно без разницы, чем пользоваться для того, чтобы жить. А мы причем? В том-то и дело, мы — ни причем. Демоны играют сетками схем, сети ловят живую материю, а каждая отдельная жизнь имеет право бороться за свою независимость, чтобы положить начало, в случае победы, новой вселенной. Не за металл люди гибнут, за право быть собой и быть с собой.

Всё опять сводится к вопросу о принадлежности. Принадлежащий себе крайне раздражает тех, кто принадлежит кому-либо или чему-либо, то есть принадлежит правилам или является источником правил для собственного поведения. Белую ворону на Руси всенепременно стараются раскрасить.

Свободный человек управляется свободными желаниями, поэтому желания должны быть высоки, а управление — воспитанным. Вот и всё, что требуется для сочетания личной свободы и коллективного несумасшествия. Для России, там где сложение дает минус, это важно.

Вообще, идея служения — это фундамент будущей агрессии. Служащий в России агрессивен по своей природе. Так называемый независимый человек сам является источником оригинальных действий, физической, интеллектуальной и духовной жизни. А кому это надо? Выскочек на Руси режут с особым удовольствием именно по этой причине. Они вступают в непримиримый конфликт с любой службой и ее воинственными птенцами. Условность в России безусловна. Каламбур в словах и на бумаге. Впрочем, как и в жизни.

Собственный «царь в голове» обречен здесь вести бесконечные войны за свою независимость. Работа в самом себе с детских лет ведется «на оборонку». Беда внутри нас, снаружи лишь террикон обстоятельств. Два мира — внешний и внутренний мир человека — словно соревнуются в давлении: кто кого передавит. Давлении правил, давлении обстоятельств, давлении воли. Обычно побеждает мир внешний, поскольку обычный человек негерметичен. Это немаловажное обстоятельство нашей человеческой природы ловко учитывают руководители ритуальных образований, сект, партий, церквей, закрытых клубов, на эту удочку легко попадаются эгоисты и самолюбцы. Глубина цивилизации весьма велика, давление снаружи огромно, страшно представить себя дырявой подводной лодкой, сквозь щели которой ты весь заполняешься продуктами этой цивилизации и не способен противостоять изнутри ни личным упрямством, ни интеллектуальным барьером, ни личной верой. Здесь-то и помогут правила, сектантская крепость. Но за безопасность придется отдать дорогую цену — жизнь. (Фома неверующий не развивается, но и не допускает внутрь себя ничего кроме известного.)

(Ложка меда к бочке дегтя...)

Последние несколько лет мне и моим друзьям довелось делать заказные юбилейные книги историко-художественного и литературного содержания. И мы на своей шкуре хорошо почувствовали законы невидимых противостояний. Каждый раз возникала дуэль личностных представлений. «Секундантом» между творческой бригадой и заказчиком выступал профессионализм совершенно особого рода - доверие, русская толерантность.

При первом знакомстве с одним из заказчиков, прокуратурой республики, на заседании генералитета мною была произнесена недипломатичная фраза: «Либо вы, дорогие друзья, собираетесь жить дольше книги, либо книга проживет дольше вас. Решайте». При такой постановке всё сразу же встает на свои места: люди с облегчением выбирают отказ от стереотипов в пользу "поиска жизни", и этот поиск наиболее успешен в коллективном исполнении. Оказывается, даже

стереотипами и ритуалами можно дирижировать, получать музыку жизни совершенно иного свойства. В любом случае, память о твоих действиях, оказывается, важнее и весомее самих действий, потому что в России непрочно ничто: ни должность, ни время, ни государственный строй. Овеществленные рассказы оказываются прочнее и долговечнее русских кривляний перед зеркалом истории; пространство книги принимает и понимает, и содержит, и хранит именно внутренний мир человека, его запасной парашют в русском бытовании.)

...Самосожжение двухсот с лишним тысяч российских граждан во времена никонианства и миллионы жертв в результате идеологического безумия в XX веке, — всё это антикнига, результат несложения, результат взаимодействия образов и вер, непрерывное язычество, кровавое жертвоприношение. Гражданское интеллектуальное и духовное бессилие нации, впадая в массовое отчаяние, обращается к механизму потрясений, полагая, что именно так наступит долгожданное счастье. Стоит лишь потрясти как следует Древо жизни, и гнилое опадет, а цветы нового принесут плоды чуть ли не сегодня же. Поколение за поколением наступает на эти грабли, не учитывая опыт тех, кто уже убил себя подобным образом.

Россия — страна языческая. Преодолеть эту печать в коллизиях не удастся, и тогда особую роль и понятность приобретает отдушина по имени «текст»: сказки, увещевания, обещания, заговоры, — в общем, всё, что соответствует принципу «сказано-сделано». «Сказано» в начале, а «сделано» уж как получится. Вера, идущая от слова, а не слово, идущее от веры и дела — в этом и заключается особенность русского слова и особое отношение к нему. Взгляните сами, сколь великое царство построено на сотрясении воздуха, разновидностях данного слова: писанные и неписанные кодексы чести пацанвы и партократов, зэков и феминистических общин, заплесневелых монашек и агрессивных рокеров-меломанов. Практическое поведение, идущее от слова. Непостижимо! Комедия политических выборов в России становится всё бездарнее, а способы управления голосами всё эффективнее. «Поверить» для русского человека равносильно «сделать». Поверил, проголосовал, помог кому-то продвинуться к новым возможностям. Ни черта, конечно, "заступничек" для своего избирателя не сделает, а через четыре года - опять избираться надо. Вот и говорит претендент: «Приди-ка еще разок, поверь еще раз». Отчего ж не поверить-то? Мы на этом деле уж не одну собаку съели. В русском племени терпеть и верить - хорошо!

5.

Только в России ритуал подражает другому ритуалу, пытаясь изменить, причем разом, по-щучьему велению, свою жизнь. Есть народы, создающие сказки. Очевидно, есть народы, созданные сказками. Где что.

Как отличить осязаемую жизнь от ее играющих голограмм? Надо взглянуть на долготу существования. Если память нации толерантна, велика и не воюет с памятниками даже после смены формации — это здоровье, пульс

жизни не замирает. Если же память нации коротка как мода — это верный признак ненастоящей жизни, игры. В России, на мой взгляд, телега всегда впереди лошади и движение задом наперед самое удобное для нас. Но ведь кто-то же должен смотреть вперед?! Кто? Да царь-батюшка, например, или самозванное провидение, или что-нибудь еще. Шаман и его сценарии — единственный генератор движения здесь. Коллективный разум, который действительно способен провидеть будущее, в ритуальной среде богомольно-бесправных русичей отсутствует. Шаманы любят двигаться по кругу. Площадка нашего национального существования утоптана до полного бесплодия. Пыль да топот, стон да песни, вору да воздетые к небу руки. Доколе!?

Жизненное зрение обычного человека — это твердое знание известных пределов. Случались на Руси гениальные цари-батюшки, делавшие личное продвижение началом продвижения общественного. Но это большая редкость, наша посмертная гордость и прижизненный плач. Плавным, эволюционным путь России никак не назовешь. Скорее, она держится на гениях, которых сама же и поедает. Россия — это убогость и ограниченность. А взгляд гения — беспредел, новизна; действие его — невыносимая мука для привыкших к традиции. Когда гений рождается, растет и действует в среде обывателей, стонет только он сам да его близкие. Гений, оказавшийся во главе страны, запомнится как изощренный убийца или театральные злодей.

На обыкновенного живого человека никто не обращает внимания. Знает это и он сам, и его родимое государство, которое максимум на что способно — милостиво раздавать поводы для счастья и праздников своим рабам по признаку профессиональной принадлежности. Похоже, не хватает уже календарных дней, чтобы праздновать и праздновать: День шахтера, День милиции, День пожилых людей, День налогового работника, День защитника Отечества и День защиты детей... Я уж не говорю о религиозных условностях. Словно само время подверглось атаке, окончательной ритуализации жизни. Сценарии бытия расписаны наперед с точностью железнодорожного графика. Автоматизм жизни наполняет ее движением и выхолащивает непредсказуемость, мотивацию действий, продиктованных наитием, душой. Выход простой: не трогайте ритуалы в этой жизни, черт с ними!, но беспощадно истребляйте их в себе. Жизнь находится за пределами искусственных правил.

Я живу в сегодняшнем дне. С утра и до вечера глаза и уши впитывают странное: люди изо всех сил убеждают себя в том, чего нет. Плакаты гласят: настоящее качество, настоящее путешествие, настоящая медицина. Из репродукторов я всё время слышу упоминание о каком-то «настоящем человеке» и «настоящем партнерстве», «настоящих банках» и «настоящем отдыхе». Всюду, всюду и всюду подчеркивается такая желанная для России редкость — настоящесть... Ненастоящее будущее заманивает меня вывеской: ненастоящим объявлением о настоящем — великой, безусловной ценностью для того, кто готовится умереть в России.

*****

ОГОНЬ ОТ ОГНЯ

В трудах и суете люди часто "забываются", теряют свое историческое прошлое и через это, увы, сами становятся беднее... Заполнять образовавшуюся "брешь во времени" очень непросто. Для того, чтобы невидимую ценность (традиции, культуру, воспитанное уважение к иному укладу) передавать, не теряя в новых поколениях, требуется особый труд. Талант. Личная страсть. Огонь жизни. Потому что новый огонь зарождается лишь от огня. Жизнь от жизни. Сухих фактов мало - нужна искра сердца, искра воображения, полет фантазии! Именно это создает реальную атмосферу жизни, которой можно дышать и которую можно чувствовать. Нить времен перестает напоминать пунктир, когда погружаешься в мир - здесь время непрерывно, как пульс. И понимаешь: сегодняшнее время каждого из нас - лишь волна, поднятая ветерком жини над океаном прошлого. По-новому ценишь ушедшее, задумываешься - словно становишься, в конце концов, частью этого Океана...

Человек делает Человека. Это высший акт творчества. Плоть вырастает сама. Все остальное требует особого окружения и непрерывной поддержки. Интеллект не может создать другой интеллект в пустоте. То же и с душой, и с культурным наследием. Нужна соответствующая среда, здоровье этой среды и ее высокая жизненная насыщенность. Посредник, по-сути. Мы ведь всегда творим друг друга через что-то. Через предмет, сказанное слово, действие. Когда это самое "через" становится общим, безопасным и неразрывным - личность счастлива, а общество процветает. За это идет бой на земле.

Только в настоящем времени реально содержится и прошлое, и будущее. Ни в будущем, ни в прошлом реальности ведь нет. Человеческое может создавать и хранить только сам человек: его память, разум, его способность бесконечно продлевать культурную ветвь жизни, - вот, собственно, единственное хранилище того, что всегда было выше золота, пищи, оружия и власти. Внутренний мир состоявшейся личности драматичен: он генерирует новые образы нового настоящего. Размах истории, дерзновенность мысленных и технологических бросков, границы обыденности - все борется за свое место в этой непостижимой точке: миге бытия! Творческий человек - источник времени. СВОЕГО времени, где причина жить несравненно выше нужды выживать.

Увы, слишком коротко время в России, слишком рано отрезается прошлое, слишком далеко загадывается день завтрашний... Все слишком уж "слишком"! Призывы к любви замешаны здесь на идее овечьего терпения, а мысль о справедливости будит в народе кровавую жажду огня и разрухи.

Почему так? Почему спиваются и вешаются талантливые люди? почему бегут молодые от родного очага? почему щедра на проклятия жалкая старость? Почему?! Что-то опять произошло; то ли тяжелое подняли чересчур высоко, а то ли высокое - опустили...

Все высшие ценности мира людей, любого сообщества, любой нации -

невидимы. Мысленный (и не только мысленный) эксперимент с "переворачиванием" приоритетов разрушает именно твердь настоящего. И люди спасаются. Кто в эмиграции, кто в бутылке, кто в иной слепоте и ином каком-то бегстве. Гаснет самобытность - умение быть собой. Способность подражать заменяет оригинальность.

Человек сам создает свою среду обитания. Сравните: легкие дышат воздухом, который произвели деревья в окрестных лесах, а чем сегодня дышит наш разум, наши души? И где это "произведено"? Много ли своего собственного в собственной-то жизни?! Ответ банален и беспощаден: в борьбе за себя самого проигравших больше, чем выигравших. Потому что не имея СВОЕЙ собственной среды, не имея СВОЕГО времени, СВОЕЙ земли, истории СВОЕГО рода, - ты никогда не сможешь стать СОБОЙ. Обезьянничая, копируя, ты сможешь быть лишь кем-то, с кем-то, при ком-то... Сам не заметишь, как в формуле Бога неизвестное "жить" обернется ответом - "служить".

Кто не создает себя, тот будет использован теми, кто создает рабов.

У каждого своя злость. Кто-то к себе одеяло рвет, кто-то другому глаза мозолит, кто-то уши готов заткнуть. Все злятся: одим кажется, что чего-то им в жизни недодали, другим, наоборот, воры кругом мерещатся. У каждого своя мания величия, отягощенная манией преследования. Или наоборот. Довелось мне как-то разговориться с одной очень злой молодой особой. Рассказывала она, как мстила:

- Я в свои шестнадцать лет побывала уже в Париже! Видела своими глазами Лувр! Да, я горжусь собой и считаю это великолепным достижением для своего возраста.

- Ты откуда, милая? - спрашиваю.

- Из элитного лица!

- А родилась, росла?

- Из деревни я, вообще-то.

Ну, тут уж и мне невтерпеж стало, закипел:

- Ответь-ка на один вопрос: почему это на месте французской деревни Париж вырос, а на месте твоей родины, как был навоз по пояс триста лет назад, так и сейчас - по пояс? Ах, мы, мол, вот где побывали, вот мы какие! На самом деле кто-то "места" в жизни создает и гордится этим, а кто-то в эти места лезет и тоже горд. Место жизни можно увеличивать, передавать по наследству, вкладывать себя самого в банк бытия. Так или не так?

Девушка испугалась, ушла, но что-то в этом брюзжании безошибочно ударяло ее в самое больное. А я еще неделю тихо ворчал: подложить себя в чужое теплое местечко - не велика гордость, чужую красоту на себя напялить - не велика честь.

Каждый решает в меру своих внутренних сил: вложить ли в мир себя или вложить в себя в мир. Ведь один из миров всегда слишком уж мал...

Вообще, многие мои друзья-современники любят порассуждать на тему

желаний и возможностей. По характеру этих рассуждений я безошибочно распознаю в них суть: одни - делатели, другие - глотатели. Творцы и потребители. Благо-дарители и благо-получатели. Это ни хорошо, ни плохо, это - устройство жизни, круг, и глупо делить его на "хорошую" и "плохую" половины. Выбор - внутри человека. Модница у прилавка видит гамму ярких возможностей, которые дразнят, будят, соблазняют ее внутренние желания. Однако мне милее другие - делатели, чья внутренняя сила порождает новые возможности здесь, в настоящем.

Воображение - вот реальность номер один! Здорово ли оно? Крепко ли? И сколько времени удерживает в себе самом? Всякий чувствующий ТАКУЮ реальность - поэт.

В книжном магазине - избыток фантазии, за пределами магазина - вакуум. Выдумывать самих себя в России непросто. За одно это в недавнем прошлом можно было получить срок. Так будь же счастлив! Тебя за тебя выдумают: кодексы, уставы, нормы, стандарты и правила, государство и религия, тюрьма и подворотня. Как вырваться из этого заколдованного круга? Как преодолеть магию очередных присяг и гнет очередного "священного долга"? Крылья свободной фантазии подрезаны с детства, а сила покорного духа вновь служит мундирам. Жизнь не ведает революций, она медленно и постепенно прирастает по вертикали: сначала - выдумкой, потом лишь - плотью. Выдумки у нас - море!

Кого считать Автором? Люди с удовольствием подписываются этим именем под чем угодно. А мне кажется, что процесс авторства идет иначе, не от человека в мир, а наоборот - от мира к человеку. Сама Жизнь - твой единственный автор и никак не иначе. Поэтому важна лишь твоя открытость, способность вмещения знаний и чувств, состояние нравственного и умственного равновесия и т.д. Готовность самого человека - ключ к единственной дороге единственной его судьбы. Не готовых к личным испытаниям вожаки легко собирают в стада и - гонят, гонят, гонят! К испытаниям всенародным...

Есть атмосфера - есть жизнь. Создание атмосферы общения, интеллектуального взаимооплодотворения, может, даже атмосферы наития - всегда самый первый и самый необходимый шаг любого поколения живущих. Для того, чтобы проглотить кусок мяса, достаточно и желудка, но чтобы "переварить" философскую мысль, "усвоить" тончайшие колебания чувств - одного желудка не хватит. Сегодня литература, как мне кажется, вынуждена выползать из-под своих уютных коленкоровых обложек, чтобы защитить само пространство и время в которых она существует. А именно: пиши о том, что ДЕЛАЕШЬ, либо делай то, о чем пишешь. Это - литература поступков: социопроектов, осуществленных гуманитарных планов, практических действий внутри себя и вокруг себя. Высшая планка - здесь. Потому что высший акт творчества - сотворение Человека Человеком. Все остальное - леса, посредничество, или так называемый "след в жизни". Вы согласны: след ведь не может быть важнее самого пути?!

Школа, школа самого себя, неповторимый опыт - самое интересное, что

есть в ближнем. Внутренне богатые люди неистощимы. И они умеют "обмениваться жизнью". Все происходит само собой, принцип удивительно прост: я интересен себе лишь тогда, когда мне интересен другой.

А вот часто говорят: "Надо бы пожить для себя". Что это значит с точки зрения поэтического, что ли, птичьего восприятия? Представьте себе, что вы - обладатель мистического зрения и на сути мира смотрите теперь лишь глазами Духа. Плоть совсем не видна. Потому что плоть видит лишь плоть, а Духу видимо другое.

Вот просыпается зерно человеческой души, вот превращается чья-то душа в траву, а чья-то в дерево, а чья-то в птаху. Но не всем дано подняться в полный рост, не всем дано дожить до зрелых своих плодов и уснуть в покое. Потому что полон мир Духа хищниками: ненасытный разум, слепая обида, черная месть и черная зависть - все против жизни.

Расти и не оглядывайся! Жизнь проворнее смерти. Но только скажет иной мой товарищ вдруг: "Пора для себя пожить!" - остановится его рост, закрутится щепка жизни в воронке времени, настигнут его страшные хищники, схватят навек и сердце и разум... Ругается он, остановившийся, ненавидит, подножки кому-то идущему ставит. Пикнуть не успеешь - расстались.

...Сарапульская девчонка-поэтесса живет теперь очень далеко от маминого гнездышка. Европа, франки-доллары, поклонники-машины, а приехала на денек домой - слезы в три ручья: одна-одинешинька на белом свете!

- Что мешает друга найти? - спрашиваю.

- Скорости жизни не совпадают.

И давай скорее стихи читать. Про березки.

Знаете, с точки зрения Духа, мир насквозь поэтичен, а сточки зрения разума - насквозь расчетлив. В молодости человек превыше всего, хозяином над собой ставит одно, а поживет немного - поменять хозяина вдруг захочет, да не может уж.

Самобытность не столько хранят или ищут, сколько - вырабатывают. Ежемгновенно, как равновесие в пути. Это ведь не склад чего-то данного, а ты сам. Самобытность - живой, перемещаемый источник. И самое лучшее - не мешать ему быть собой.

Преимственность культуры осуществляется в движении жизни. Отвратительно неподвижное: окаменевшие идеалы, ортодоксальные каноны, мервые догмы. Катастрофа - когда дети полностью повторяют своих родителей. Но катастрофа и когда родители не способны дать детям ничего кроме "твердого" - денег, домов, техники. Между поколениями на земле всегда существовала пропасть, через которую надо прыгать. В России эта пропасть бездонна, миллионы соотечественников канули просто так. Я знаю: на земле мы одиноки. Я верю: небо помогает дерзким.

- Вы идеалист! - однажды крикнули мне из зала.

- Вы кто? - спросил я человека.

- Наладчик станков. Я весьма полезен, потому что вырабатываю реальную продукцию. - зал одобрительно рассмеялся.

Пришлось парировать.

- Идеалисты - те же производственники. Производительная сила, рабочие лошадки.

- И что же они производят? - не унимался оппонент.

- Идеалы! Они производят идеалы! Высшую продукцию, доступную человеческому существу. Вот вы, например, свои идеалы выработали сами или позаимствовали? И заодно скажите, почему идеалы, попавшие к идеологам, становятся вдруг духовной тюрьмой? Идеалы слабы или люди?

Молчание...

Я не знаю, что называть словом "моё"? Воздух, которым я дышу, - не мой. Атомы, из которых сделано мое тело, сложились в форму лишь на время... Слова и буквы, которыми я пользуюсь, тоже не мной придуманы. Ум мой был воспитан на примере иных умов, чувства просто даны... Что же здесь - моё? Ничего.

Я могу сжать в горсти песок и сказать: "Мой!" Я могу разжать ладонь и рассеять песок по ветру, свободно смеясь: "Моё!" Я могу стать никем, чтобы неведомый Кто-то вошел в меня, пустого, наполнил неведомой новизной и подарил Земле то, чего у нее еще никогда не было.

*****

ЭЛЕКТРА

(Эта идеология была написана мной по просьбе российских электрических магнатов. Текст я передал с курьером куда-то туда... Обратной связи не было. Знаю лишь, что формулировки поднялись до самых высоких кабинетов).

Технологическая дистанция (во времени) от керосиновой лампы до атомного реактора очень коротка. По-сути, это энергетический взрыв на Земле. Однако хорошо известно, что время в техническом развитии и в человеческом сознании течет по-разному. Сознание, как всегда, запаздывает. Потому что энергия сознания (а, тем более, массового сознания) - не результат быстрого строительного опыта, а результат постепенного живого роста. Образно выражаясь, расхождение "скоростей жизни" в действительности и в представлении об этой действительности - работает "на разрыв". Цена добытой силы не соответствует оценке по ее применению. Требуется управление: и вокруг себя, и собой. Для современной России - это сверхактуально: с одной стороны - современная (как бы то ни было) мощная энергетика, с другой - "керосиновое" сознание пользователей. Накопление опасного (экономического, социального, психологического) "разрыва" самоочевидно; в целях национальной безопасности следует либо остановить энергетические установки (вернуться в прошлое), либо привести в соответствие идеологию

современников.

Россия - широкая натура; транжирить, не считая, - что-то навроде национального почерка. Чуть ли не визитная карточка менталитета, особенность (увы, традиционная) "барского" размаха в сознании многих. "Воровского сознания" (по выражению философа начала XX века Е.Н.Трубецкого), сознания, привыкшего и брать, и давать сказкой - "по щучьему велению". Где же начинается НЕ-экономика и НЕ-экономика, где происходит утечка энергии? В трансформаторе? В "жучке" электросчетчика? В пересошем русле реки? Да, но это - всего лишь следствия. Утечка более высокой энергии - гражданского самосознания, интеллектуальной и духовной грамотности людей, - вот ведь что ведет к саморазрушению и самопроеданию нации. Банально. Но обойти это препятствие лишь здесь, на земле, создавая какие бы то ни было суровые правила, контроль, тотальный учет и запреты, мало: власть по-прежнему будет принадлежать "щучьему велению".

Самая высокая из человеческих энергий - духовная, ей соподчинена энергия интеллектуальная, на последнем месте в этой естественной иерархии стоит энергия технологическая. Нельзя переворачивать все наоборот. Умение считать не заменяет умения верить в себя и в других. Поэтому задача умелого сохранения овеществленной энергии страны и каждого ее гражданина - задача идеологическая, пропагандистская, обращенная, в первую очередь, к пробуждению здорового самосознания нации. Утечка происходит не в проводах и не в худом теплообменнике, она - в нас самих.

Насколько высоко поднято внутреннее зрение человека, настолько от этого зависит и масштаб ПОСТОЯННОГО внешнего видения. Крестьянин не выпускает из поля своего зрения личное хозяйство, директор завода проникнут личной ответственностью за производственный организм. И так далее. Высота внутреннего зрения - личностное достижение, однако именно оно дает упорядоченность на практике: видеть иное, как себя самого. Например, общество в целом. А для чего? Для чего крестьянину ТАКОЙ масштаб?! Да элементарная практическая необходимость: гражданственная упорядоченность жизни, добровольный самоконтроль, позитивность поведения - все служит осознаваемым гарантом тому, что не будет потрясений, революций, обвалов, неожиданных поворотов в судьбе страны. И хорошо. Чувство личной гражданской сопричастности воспитывается возможностью увидеть себя в историческом и культурном пространстве жизни. Приподняться. Но ведь поднимает человека над повседневностью лишь крылатая идея. Идея Бога, вера в прогресс. Высота идеи обуславливает экологию поведения.

Пора смотреть На Россию глазами мечтателя, переживающего за свою Родину, а не глазами плодоярки. Дерево нашей жизни дико и велико. Всякая

ветвь мнит себя стволом, а плоды бывают то прекрасны, то отвратительны. Век за веком осыпаются с этого дерева листья - судьбы людей; ветер надежд и обманов срывает их с веток... Из какой же тьмы пьют наши корни? И к какому неведомому свету тянется крона?

День на земле продлевается просто: поворот выключателя и - электрический свет рядом, привычный, как воздух, и, кажется, такой же бесплатный. Но есть одна мысль, которая очень смущает: свет какой идеи продлевает и освещает само существование людей России? Если его нет, то действие лампочки в доме обывателя ничем не отличается от лампочки в инкубаторе... А какой спрос с "инкубаторских"?!

Есть на оси времени удивительная точка - настоящее. Величина его и есть величина жизни. Именно в настоящем существует - удерживается памятью и человеческим опытом - прошлое, в настоящем реально обитают схемы будущего. Если же в этой точке времени прошлое напоминает обломки, а перспективы туманны и близоруки - случается бедность.

Настоящему следует учиться. Это - миг, в который вмещается все. Освещенный высокой идеей, миг жизни позволяющий видеть дорогу времени на всем ее протяжении.

Сама суть добытой энергии такова, что она испытывает человека на его способность управлять настоящим. Разность электрических потенциалов как бы подобна самой жизни: энергию следует использовать только здесь и сейчас. Значит, первостепенен вопрос собственно человеческого качества (морального, профессионального, гражданского), то есть, тех, кто живет "здесь и сейчас". Электричество нельзя накопить, как нефть или уголь; оно - не путешественник во времени. Можно лишь воспитать пользователя. Вложить деньги в это. Не в механический счетчик на стене русского мирянина, а в его голову.

У каждого - своя собственная реальность. Тысячи, миллионы разрозненных, противоречивых "реальностей" в одной огромной стране. На сегодняшний день их РЕАЛЬНО объединяет одна лишь сила - энергетика. Суровый дирижер всего и вся. Экономический бог. Пожалуй, именно эта сила сегодня замещает (за неимением иного)... идеологию жизни. Вещественно и понятно: есть энергия - есть жизнь. Предыдущая идеология пала. Произошел "выдох" бытия. Разумеется, следует начинать "вдох". На энергетике оказалась колоссальная нравственная ответственность за весь завтрашний век.

Представление о цене электроэнергии у производителя и потребителя - не одно и то же. Производитель считает и недоумевает: "Продаем свою продукцию

в десять раз дешевле, чем она стоит!" Получатель привычно кивает на розетку: "Дешевка!" Между первым и вторым (а ведь оба граждане одной страны, одного дома) стоит дурная традиция: всем все поровну и можно не беречь то, что досталось "по щучьему велению". Но ведь и ушло - по щучьему... От самих же себя!

Разница представлений, разница реальностей, поощряемая "уравнительной" схемой общественной жизни - продолжение самопроедания, будущей экономической и финансовый конфликт. Возможно, последняя катастрофа. Вещественно и понятно: нет энергии - нет жизни.

*****

*Эту землю любить я уже не могу,
и во имя чего безответные древа
над травой безымянною истово лгут
о несчастных счастливицах и том, что грядут
времена упоенья бездельем и гневом?*

*Эту землю любить я уже не хочу,
родникам не вспоить пережатые реки,
образам не унять безобразных причуд
недоньянканных чад. Тут над миром лачуг -
некто временный, жест сотворяющий некий;*

*для простейшей нужды и понятного зла,
для игры бесконечной в ловца и скитальца
создается особенный, русский разлад:
низость плоти и душ оголенных закат,
очи долу и веером пальцы.*

*Необъятным простором гордится тюрьма,
на базарных ристалищах, всласть зубоскаля,
рубят сук под собой, занимают ума,
и повсюду, как воздух, главенствует мат,
эту землю без чести безжалостно жала.*

*Эту землю любить - позабыть о себе,
да сквозь зеркальце петли, досрочно и жутко,
оттолкнувшись от дна, возлететь до небес,
заглянуть в никуда и навек ослабеть,
став из бедного путника ветром попутным.*

*****

СИЛА ДУХА

(преамбула к проекту)

Вы замечали, что людей, ведущих здоровый образ жизни, среди инвалидов гораздо больше, чем в обычной жизни? Почему? Какая сила помогает им сохранять экологичность своего бытия, прочные нравственные устои, внеполитический и, зачастую, внерелигиозный оптимизм? Это - сила духа.

ИНЫЕ люди - это особое "зеркало", через которое гражданское общество, в невольном сравнении, может оценить себя: чья мораль здоровее? чья воля к жизни крепче?

Люди с ограниченными физическими возможностями на земле, как правило, владельцы огромной внутренней силы. Эту силу - силу духа, по-сути, невидимое богатство нации - можно и нужно включать в процесс человеческого общежития. Здоровье духа народа складывается из его здоровых представителей. Логично в этом деле опереться на самых лучших, способствовать их совместным действиям, пропагандировать главный источник здоровья жизни человека - умение добровольно удерживать в себе здоровый ОБРАЗ жизни и добровольно следовать за ним. Внешние ограничения физических возможностей людей делают тех, кто не сдался, великолепными примерами торжества силы духа и на земле, и во внутреннем мире человека. Собственно, при таком взгляде, инвалиды и "сильные" старики - олицетворение надежды на будущее. Они - главные носители собственной здоровой морали, всей жизнью практически подтверждающие этот тезис. Они, как известно, готовы щедро отдавать обществу свою невидимую силу и свое невидимое богатство. Но готово ли общество к тому, чтобы принять и удержать тяжесть невидимого?

*****

ТОЛПА ИНТЕЛЛИГЕНТОВ

(заметки из города N-ска)

Эпиграф: «Основания всего великого и живого покоятся на иллюзии. Пафос истины ведет к гибели (в этом лежит «великое»). Прежде всего к гибели культуры».
Ф. Ницше

Формальная жизнь — схема, претендующая на звание самой жизни. Любой из нас хорошо знает это из повседневной практики и собственных, чаще всего тщетных, усилий преодолеть косную запрограммированность человеческого поведения, поведения в самом себе и в окружающем разнообразии... штампов. Поскольку сказать действительно что-то новое удастся крайне редко, а уж

сделать эту новизну — случай и вовсе исключительный.

Мой город — дитя указов и промышленной технологии. В его культурной основе лежит слишком мало легенд, удивительных событий и культурных потрясений. Насколько я понимаю, здешняя интеллигенция всегда спасала свою здравость, оригинальность и высоту мировосприятия в одиночку, путем личного подвига, либо сбиваясь в небольшие, недолго живущие (не долее жизни лидера) клубы, кружки, сообщества по интересам, в автономные оазисы, где человеческая душа могла полноценно, полной грудью дышать и говорить. К сожалению, «оазисы» не слились в единый культурный покров, не стали преемственным фундаментом, основанием для культурных построений более крупного масштаба и не наслаились друг на друга.

Энск — город-завод, город-цех — создал с точки зрения культурного развития свой собственный феномен — отсутствие традиций, преемственности, привычки и потребности лично вмещать в себя нетехнологическое богатство времени, жизни и ближнего, а также ответно знать о востребованности собственных ценностей и действий.

Сделать себя невозможно, если только «брать». Обязательно должна возникнуть и поддерживаться во времени возможность более высокого порядка, иная фаза саморазвития — дать себя, реализоваться, опустошиться, вложиться. А это целиком прерогатива внешнего мира. Аналитический ответ получается странным: что ж, если я не могу дать себя миру, то... мира вокруг меня не существует. Софистика на практике. Из этого тупика есть два известных выхода. Первый — искать другие миры, второй — создавать свой собственный здесь и сейчас и воспитать детей, которые продолжат это создание, не теряя предшествующего, не губя себя и не обрубая будущего. К сожалению, традиция русской культуры обрубочна — на мой век хватит. Убогость живет здесь! — на временном отрезке длиною в жизнь одного поколения, — а приращение культурных ценностей происходит не путем общественных усилий, но опять же путем личного подвига. Культура вынуждена суммироваться в титанах-подвижниках, делая после их физической смерти личностные достижения культовым достоянием нации. Проще говоря: если Россия меня не вынесет, так уж я вынесу ее; коли я не нужен своему городу, то пусть уж он будет нужен мне... Симбиоз благородства и безнадежности.

Внешней востребованности в «самосуммировании» индивидуальных жизненных достижений в единый непрерывный поток вещей, памяти, традиций и действий не образовано. Именно коллективной востребованности. Любой активный человек вынужден «вкладывать себя» в общую историю чаще всего вопреки, а не благодаря сложившемуся укладу жизни.

Возможно, наша общественная традиция вообще не пригодна для того, чтобы законы внутри человека диктовали свою волю законам внешним, безусловно вторичным по отношению к тому, что мы именуем Жизнью. Общественное мнение — безошибочная сила, — в наших местах примитивно и инфантильно; лишь слухи и манипуляция гражданским сознанием — предел возможного.

Почему?! Остается гадать да сетовать. Например: соотношение между внутренними поведенческими мотивами и внешними силами было неверно (и, возможно, умышленно) расставлено еще на заре русской цивилизации в пользу последних.

Стоит внимательно понаблюдать за собраниями городской интеллигенции. Коллективная идея жизни отсутствует полностью. Кратковременным «компасом» служит мода, конъюнктура, приказ, клич, научное, религиозное или иное сектантство. И тогда просвещенная публика бросается «на штурм» пустоты. Возникает прелюбопытнейшее явление: толпа... интеллигентов. Отдаваясь некоему возникшему общему течению, ни один из участников не согласен признать над собой превосходство коллективного разума. Уж тем более влиться безымянным и не первым в происходящий процесс. Суммировать себя с Иной Величиной, а не наоборот. К сожалению, власть в законах человеческого общения и со-общения принадлежит недоверию и эгоизму. Поэтому собрания на Руси глупые.

Оружейный Энск — это культурная кукла, почти не владеющая чудом одухотворенности и одухотворения. Кукла даже не может осознать, что она нуждается в преображении. Город не выносит нас, мы не выносим города. Квадратичная невыносимость заставляет одаренных, распираемых внутренней потенцией, божьим предназначением и жаждой духа людей искать счастья на стороне. Обычно их планы сбываются. Сначала обеднела, а потом, в культурном плане, и умерла оскопленная собственными беглецами русская деревня. На очереди промышленные города, культурные карлики, теряющие с беглецами свою душу, свой последний шанс. Поэтому жажда действовать у себя дома своими силами и для себя более чем похвальна — еще одна попытка посадить деревце традиций. Авось приживется, авось не засохнет. Через год увидим, однолетка или нет, а через сто лет можно будет и плодами полакомиться... Авось.

К сожалению, культуру в Энске, на мой взгляд, заменяют культурные порывы. Всплески. Подвижнические акции. В общих действиях нет непрерывности, главного фактора истории.

Что город имеет в своей основе? Заводы, производящие смерть. Этим можно гордиться, но строить на этом культуру не получится. Уровень общения между людьми задает совершенно иная атмосфера, надышанная в веках или хотя бы усилиями одного собрания, одного вечера. Культурная память современных граждан приобрела дурную традицию — ассоциировать себя, самую себя времени и места жизни как раз с культурными беглецами. Уважать себя через детский прием, — через присоединение собственного имени к имени знаменитости, рожденной здесь, воспитанной, но реализовавшейся где-то там... Людей, реально обогативших собою эту землю, мало. Обогадившихся ею гораздо больше. Речь опять же идет о дисбалансе нематериальном.

Если отбросить крупные имена, так или иначе связанные с Энском, и поискать на оси времени крупные события, связанные с именем города, то, пожалуй, только "всплески" и найдутся. Историческая апатия налицо; город

— спящая царевна — что жить, что не жить, всё едино. Может быть, именно поэтому город не дает, не позволяет полностью реализовать себя тому, кто этого хотел бы. Чтобы развиваться нужен враг или друг. Эпск — ни то и ни другое. Аморфность, пустота, в битве с которой ты сам становишься подобием и продолжением этой пустоты.

Хочется верить, что энергию падения можно обратить в энергию взлета, а силу исхода — в силу возрождения. Плодоносящего поля культуры как бы (о уж это «как бы»!) не существует, но остались великолепные ее зерна. Дело за малым — возделывать. А зерна — это и есть живые люди, их желание находиться в рядах подвижников и искать подобных себе, чтобы мечта одного находила сопряжение с мечтой другого. Непобедимая сила жизни рождается там, где каждый самостоятельно способен нести собственные фантазии и вкладывать их в собственное ремесло, при этом слышать шаг остальных и двигаться, просто не прекращать движение в себе самом, вырабатывать самобытность, бытие себя самого.

Любое построение в колонны — красные, белые, зеленые, божьи или не очень — чревато очень низким, далеко не культурным знаменателем общения. Страх и обман, голод, надежда и вера — инструменты самозабвения. Водка, молитва, хоровое застольное пение — инструменты примитивные, действующие сильно, дающие чувство общности, но не имеющие никакого отношения к дерзкому походу человека к вершинам неизведанной человечности в самом себе.

Спроси себя: сможешь ли быть рядом с товарищами в мгновении? Пространный ответ не годится, настоящее абсолютно недипломатично: да или нет? Живущий в мгновении живет и в тысячелетиях.

Прошрое, не ставшее частью меня — это моя инвалидность. Я — человек с ограниченным прошлым, иными словами: я неполноценен. Что предпринять? Формальных поводов много: «круглая» дата, вечер памяти, мероприятие и т.д. — в принципе, всё готовится для того, чтобы осознать реалии и действовать не в слепую, не в замкнутом круге.

Уныние и сетования отвратительны, поиск виновного бесперспективен, а имитация бодрости и певучего оптимизма — опаснейший самообман. Людям всегда не хватает естественности и простоты.

Суть... Господи, да что же это такое?! Почему без этого знания душа не на месте? Кто я? Зачем? Есть ли начало и конец моему приходу и моему участию в этом мире? История вмещает меня любого и всего. Господи, сколько истории вмещаю я? Моя родина, мой воспитатель, мой город научил меня видеть, говорить и слышать так, как я это делаю сегодня. Моя нужда в себе, в жажде быть собой целиком состоит из нужды в ближнем, из нужды в других людях. Сколько меня в них, сколько их во мне? Здесь стирается грань между прошлым и будущим, между живыми и мертвыми. Человек — воплощенное божье зерно, способное менять себя, свою силу, свою память. Зима самозабвения не вечна, как алкоголь, как страсть к суициду, как ослепляющая обидчивость. Предчувствие пробуждения! В этом предчувствии жили и дышали мои предки,

живу и дышу им и я. Сбывшегося нет, есть сбывающееся. И у каждого собственная трава познания, густо окружившая странный пенъ — спиленное Древо жизни.

Этот образ возник и преследует меня с того момента, как я прочитал свидетельства очевидцев, показания, воспоминания, мемуары, воззвания тех, кто шил лоскутное красно-белое одеяло гражданской войны. Его с лихвой хватило на всех: и правых, и не правых. Чтение документов привело к возникновению этого образа.

Город городом делает монолитность городского сознания.

Что мною движет сегодня? Образы. Каждый живой человек — это уникальный и неповторяющийся во времени мост. Пригоден ли он для перехода тех, кто был, к тем, кто еще будет? Спроси себя. Я хочу быть этим мостом! И я готов выдержать все, кроме ненужности. Я устал жить «на пеньке» и мечтать об утраченном небе, я хочу доверять другому больше, чем себе самому, и через это доверие учиться и прибывать жизнью. Любой город Энск - "богат" исходом носителей духа. Они уносят его с собой. Огонь жизни.

Тема для разговора на собрании городской интеллигенции возникла сразу же: города Энска... не существует. В культурном плане Города нет, есть точка на административной карте страны, по-прежнему есть огромный производственный цех и обслуживающий его персонал, да любительские коммерческие и полукommerческие отдушины для «самых умных». Но как не было, так нет и сегодня единого знаменателя, человекообразного фактора, объединяющего всех и вся в духе и в веществе, в намерениях и поступках.

Каждый деятель, так или иначе причастный к культурному процессу, держит над собой свой собственный флажок. В лучшем случае флажки эти на некоторое время объединяет ветер перемен или сильный порыв все той же моды. Как и можно было ожидать, люди разделены на верующих и ищущих. Первые привычно повторяют свои заветы: «Как можете вы так говорить?! Мы любим наш город, мы готовы всё для него сделать». Вторые мне более симпатичны: «Бездна позади нас и бездна впереди. Но мы есть, и наш единственный шанс уцелеть в истории и культуре — построить мост над бездной». Мне гораздо приятнее ощущать себя строительным материалом, нежели рупором для заветов. Я давно заметил: верящий человек мало думает, а слишком много надеющийся вообще бездействует. Вера и надежда практикам непонятны. Что же остается? Остается любовь! — В контексте качественного понимания себя в мире как высшей объективности.

Энску требуется одушевление. Задача почти невыполнимая. Зерна жизни разбросаны по всей земле. Удастся ли их собрать, приживутся ли, взойдут ли? Откликнется ли, например, землячество, будут ли дети бережливее и образованнее своих родителей?

Нам издавна навязывают опасную и подлую мысль, что всенародные бедствия объединяют. Это ложь, потому что это — правда. Тотальная беда — универсальный общий знаменатель на Руси для живых и мертвых. Я не хочу, чтобы беда соединяла меня с моими предками. Я хочу, чтобы меня соединяло с ними тончайшее чувство родства, именуемое «духом». Душа питается не

воздухом. Душа, — мои невидимые легкие, — задохнется и умрет без атмосферы общего интереса к высотам бытия, — божеского неба, которое мы сами же рождаем и сами же способны обрушить.

Собрание людей в России — явление не безобидное. Само по себе оно уже действие. И чаще всего поиски общности, того самого заветного знаменателя, посредством которого люди могли бы одинаково чувствовать жизнь во всем ее диапазоне, поиски эти, увы, в коллективном исполнении планку снижают. Вектор общности предрасположен почему-то смотреть в сторону путей легких, натуральных: совместного застолья, коллективного песнопения. Как всегда, милую сердцу русскую душевность путают с беспощадной силой светоносного духа. Коллективное оглушение, собрание умных людей посредством простоватой, наивной душевности — картина досадная. Коллективный разум на порядок должен превосходить силу одиночки. У нас — не получается. Скорее, молчание одушевляет больше, чем звук. Честно говоря, я испытываю чувство стыда и неловкости, когда городские интеллектуалы, не найдя подходящей возможности для полноценных собственных выступлений, радостно распевают заунывное. Очень символично. По-нашему.

Культурное самодовольство сродни культурному самозабвению.

Собрание людей повторяет картину города. Шум, хаотичность, интеллектуальный базар (извините за слово, ставшее от повсеместной продажности пошлым) неизбежно перетекает во "всенародное" празднование. Песни, песни и еще раз песни... Разумеется, смысловая нагрузка «слов под музыку» легче коллективных бесед и исследований, зато какова эмоциональная приподнятость! Общение интеллигенции в стиле «чудный получился вечерок» — признак социального бессилия, помноженного на коллективное бесплодие. В общем-то, картина обычная для Руси. В городе очень много одаренных, интеллектуально избыточных, интересных, духовно продвинутых людей. Не заводчан. Но это тоже несомненные «производственники», они производят идеалы, высшие человеческие ценности, мотивацию жизни вообще. (Конечно, можно позаимствовать эту мотивацию и из-за океана. Французскую моду, например, или немецкие идеи, или американский порядок... Русская история учит: будет только то, что уже было. И я этого не хочу). Коллективное самооглушение собрания интеллигентов — очень важный жизненный показатель, характерная и характерная наша особенность. Умен только царь-батюшка, хотя бы в собственной голове. Это тоже замкнутый городской круг, выход из которого надо искать, искать и искать. Уж если люди образованные в качестве платформы для общения выбирают то, что заведомо ниже их потенциала, то что говорить о собрании гораздо более массовом — городских жителях, и собрании не на два-три часа в элитном месте, а в городских замусоренных кварталах, загаженных подъездах, тесных квартирах, оскверненных заводских цехах. Что может быть общим знаменателем там, чтобы почувствовать общность? Как в древности — забава народа, кровавая драка на льду? Кровавая радость, кровавая гордость. Вечная низость, возводимая будущим в ранг самобытного счастья. Столы, бесконечная пьянка, пошлость и примитивность общения. Знакомо ведь? То же касается и, казалось

бы, благополучной, лаковой стороны городской жизни. Проблемы одни — общаемся через примитивное.

Город — это тот же самый коллективный разум. Он не может ощущать себя бесконечно в деструктивном падении. Коллективность нужна, чтобы подниматься, а не падать. Кто научил Россию этому массовому самоубийству? Энск — город убитый. В духовном плане продолжать почти нечего. Его коллективный разум и его ядро, его головушка — интеллигенция сегодняшнего дня — может лишь начать, как всегда, с себя, то есть начать с начала, прикладывая к себе в качестве знаменующих, мирящих и вдохновляющих мерок нечто, подходящее под весь колоссальный диапазон задачи гражданского самосознания. Этим нечто не могут быть ни архитектурные решения, ни административный приказ, ни заезжий, сверхзнаменитый гастролер, ни даже собственная, известная на весь мир знаменитость. Город — это вектор, делающий жизнь разрозненных человеческих душ упорядоченной в своем внутреннем движении друг к другу. Новый человек не может быть востребован по меркам старого времени и старого места. Он создает новизну из самого себя, бесцеремонно пользуясь, как самим собой, ближним и на тех же правах отдавая себя для решения задач другого. Личная энергетика жизни совпадает с энергетикой жизни общественной в двух диаметрально противоположных случаях: либо в глубоком падении, либо в процессе вознесения. Между этими полюсами плавают золотая середина, линия жизни, линия обыденности, равновесие повседневности. Рожать и поднимать материи культуры — это не удел одиночек. Нужно рождаться, работать, добывать прибавление жизни и умирать на одном и том же месте, обогащая своими усилиями и фактом своей жизни родную землю, а не истощая ее.

Ситуация описывается афористично: чем больше я позволяю городу быть бездушным и неинтересным, тем с большим упорством он требует этого же самого от меня. Кто кого. В такой постановке мы с городом — не партнеры. Он существует вопреки моим желаниям, я существую вопреки его усилиям. В лучшем случае, равенство наших усилий порождает иллюзию стабильности, бездарный результат, равный нулю.

Как на птичьем дворе, со всех сторон слышится кудахтанье беременных несушек, призывающих пространство дать им возможность опустошиться. Куд-кудах, куд-кудах... Полны богатством и головы, и сердца, и руки тянутся к работе... А на деле? Только бани, да кладбища. Сумбур — это не печать времени, это - стиль.

По капле узнается океан. Умные, милейшие люди, каждый из которых и ходячая кафедра, и практическая социотехнология, сходятся вместе, чтобы получилась... толпа интеллигентов. Наиболее чувствительные молчат, вздрагивая и переводя взгляд от одного тезисно тараторящего источника к другому. Вот оно! — Вся энская культура и есть толпа интеллигентов. Им хорошо по-одиночке, им плохо вместе, тесно. Они собираются вместе, чтобы испытать тайное удовольствие: как хорошо уйти! Их не объединяет ничего, что превышало бы их самих.

Мне привычно говорят: ты — винтик в машине государства, в машине города, в машине непреодолимых схем и формальностей. А я не хочу быть винтиком. И даже кирпичиком не желаю. Я — живая клетка и я — мост, в строительство которого желал бы вложить самое себя. Необычный мост, не между странами и не меж берегами — он от жизни к жизни. В качестве опоры мне слишком мало минимальной оплаты труда и простых удовольствий, а в качестве цели я не могу представить и не хочу видеть потолок своих лишь личных возможностей. Потому что есть высота иной атмосферы, приводящая опостылевший сумбур к гармонии, есть неведомый дух, одушевляющий души, — все то, что делает жизнь вещей человеческими.

Господи, научи меня трижды: быть собою, дать собою и быть всеми.

Ни социальные, ни гуманитарные, ни психологические технологии не поднимут мертвого. Нужна духотехнология, чтобы живое зажглось от живого, а не механизм крутнулся от механизма. Русская душа, как лампадка, дуальна в своем свечении. Сумеем ли сложиться осколками света, чтобы увидели этот маяк из прошлого, чтобы детям оставить в подарок не тьму?

Перед моим духовным взором встает Энская дивизия, идущая в полный рост. Не на врага, а за своим неугасимым светом, удивительной силой человеческого духа, которая позволяет держать спины прямой, а лицо невозмутимым даже под пулями.

Сегодня опасности стали невидимыми. Они убивают душу, они в изобилии летят с экрана телевизора, на любом перекрестке вы можете получить ранение в сердце, вас может убить постовой, врач, учитель, просто грязная ругань случайных подростков. Убить вашу душу. И еще одним мертвецом в городе станет больше.

Вступайте в ряды духовного ополчения. Клятв не требуется. Внутреннее обязательство — кратчайший путь к самому себе и к настоящему делу.

Как видите, без патетики не обошлось. Но, мне кажется, это совсем не стыдная патетика. Потому что она идет от сердца.

*****

СДЕЛАЙТЕ ТАК, ЧТОБЫ Я ЗАХОТЕЛ!

Есть люди-идеи и есть люди-принципы. Одни воплощают первое, другие — второе. Идеи и принципы новейшего времени — это новые люди. Обычно после очередного общественного потрясения они поднимаются со дна. Мироустройство принципиально не становится другим, не меняется даже пропорция между насильниками и насилуемыми.

Социальное брожение подвигает к поиску новых социальных качеств. Если бы не сегодняшний мир насилия и жестокости, беззащитности и бесправия вокруг, то я никогда бы не смог обнаружить в себе любопытный психический механизм: мне не дано изнасиловать кого бы то ни было. Женщину, например. Просто потому, что она этого не захочет, просто потому, что моя власть над

действиями принадлежит приоритету любви, а не инстинктам. Получается очень сложная и тонкая штука — управлять своими собственными желаниями в этом деле я могу, лишь управляя желаниями партнерши. А желания не случаются насильно.

Мне хотелось бы видеть подобное отношение между властью и народом. Когда жажда обладания становится господствующей, наступает закат эпохи. Обладание заранее должно позаботиться о том, чем оно будет обладать. Кроме "хочу" и "не хочу" в говорящем мире нет ничего. Это принцип. А то, что находится между этими полюсами жизни — ее идея, которая никогда не была определенной.

Вывод чудится таким. Если я в свое собственное время испытываю агрессивное давление со стороны и участвую в разнообразных формах насилия в качестве жертвы, это означает одно — в жизни катастрофически не хватает самцов, тех персональных и коллективных сил, которые позаботились бы о моем желании жить.

*****

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

(Эти тексты появлялись на свет в то время, когда их автор крутил педали велосипеда. Мысли затвердевали, обретая словесную форму, не за письменным столом, не в замкнутом ящике квартиры. Слова катились на магнитную ленту диктофона в окружении мелькающих кадров жизни пригородного шоссе, обдуваемые встречным ветром, заглушаемые ревом пролетающих мимо автомобилей. Поэтому они и собраны под общим, банальным и кокетливым, названием «Заметки на полях», где под «полями» понимается пространство самой жизни, обочина ее пути — полуметровой ширины кривая ленточка асфальта, разрешенная для велопередвижений.)

Жизнь сама по себе не является для человека причиной длить свое безусловное существование. Вероятно, желание жить находится вне досягаемости для наших чувств и разума. Часто ловлю себя на мысли: мир внутри меня неполноценен еще и потому, что сам я не могу почувствовать в нем пружину бытия. Искать ее во внешнем мире безнадежно вдвойне.

(Вот, пожалуй, и найден единственный побудительный мотив взяться за перо или диктовку, известными мне средствами и личным опытом отразить невидимое, чтобы превратить изречение в реальность. И тогда «невидимка» будет доступен для анатомии, но по-прежнему недоступен для жизни.)

Причина жить — это изобретение объяснения смысла для себя или для людей, для мира или войны. И оно совершенно не важно. Именно выдумка схем бытия ведет к технологиям театра людей на земле. Однако это желание иметь

организованную среду вокруг так же бессмысленно, как и стремление к обладанию своей внутренней природой. В театре земли сценарий, слова и действия принадлежат, к сожалению, во многом самим людям. Причина же Театра времен неясна и непостижима.

Получается, я участвую в жизни лишь для того, чтобы скоротать жизнь, и участвую в ремесле лишь для того, чтобы скоротать время. Глупость моя недостаточно "прозрачна" для ИНОГО воображения. Сами по себе возвышенные идеи не имеют ясного, выраженного мотива, поэтому аранжировка — за нами.

Вообще, любая попытка говорить о жизни — анатомия. Мы превращаем живое в мертвое, исследуем его для того, чтобы сделать следующий шаг и снова убить, и снова исследовать, и снова продвигаться вперед. В этом отношении схема эволюции на бумаге напоминает божий лист — развитие жизни в Театре времен.

Феномен жизни литературен в своей основе.

Причины бытия разнополярны, как электричество. «Быть» или «не быть» равноценны в принципе, выбор между ними — задача невозможная. И если я — прихоть себя самого и родитель неба (или наоборот?), то меня вполне устроит сам поиск устройства и корней этого мироздания. Именно обладание причиной (или нахождение в ней) наполняет бессмыслицу стимулом действия. Я знаю, что не могу изменить образы вокруг себя, поэтому, даже действуя, смиряюсь и жду метаморфозы образов внутренних. Этот пинг-понг между плотью и ее отражением дает мне возможность жить попеременно то знаком «плюс», то со знаком «минус». Моя свобода состоит в том, чтобы причинность позитивной воли преобладала над всем остальным.

С какого-то момента страсть к жонглированию ценностями, понятиями, отражениями жизни вытесняет саму жизнь. Здесь — родоначалие икон, холстов, повествований и заметок на манжетах. Всерьез можно рассуждать только о глупости: слова — не математические символы, они неоднозначны как сами по себе, так и в своих множествах. Слова — несомненный инструмент улыбки. И когда словами описывают историю, трагедии, великие чувства и изменную похоть, рождение и гибель гениев, рождение и гибель злодеев, религиозную одержимость или унылый патриотизм, мне бы очень хотелось знать, кто, в каком пространстве, в каком измерении и какой именно улыбкой осеняет сей балаганчик?

(И все эти самозванные, самонадеянные рассуждения — обыкновенная разминка перед самозванным и самонадеянным забегом, где дистанция — век, а участники — бессовестные слова.)

Сам себе я напоминаю оркестровую яму перед началом большого концерта. Инструменты вразной пробуют голоса. Они в порядке. Известна даже тема музыки — минуты, годы... А дирижера нет. Вместо него малопонятный, невнятный мотив — хотеть коллективного звучания, жажда себя в другом и другого в себе. Выражаясь языком религиозным, дерзость слияния с Богом.

И не видна ли с предельной ясностью полюсность «быть» лишь с позиции «не»? Свобода от пристрастий и вчерашних святынь дает доступ к настоящему,

а нравственность состоит не в допустимости либо в недопустимости чего-либо, а в отстраненности восприятия. Получается соревнование с самим собой, только оно и нравственно. Но мораль гладиаторов на арене судьбы куда популярнее.

Мне всегда казалось, что люди делятся на две энергетические касты — на тех, кто держит жизнь на земле, и тех, кто за нее держится. Вторые составляют, разумеется, абсолютное большинство. Лично для меня патетика первого варианта привлекательнее. Держать можно: скотину, дом, мужа, жену, машину, тему, идею, самого себя. За всё то же самое можно держаться. В жизни часто случается так, что держащий и держащийся составляют идеальную пару, взаимоуничтожаемое «быть или не быть». Пару между человеком и человеком или пару между землей и небом, например. В любом случае мучения обеспечены.

Между этими, насыщенными энергией и силой крайностями, просто не может не появиться каста спекулянтов, знатоков компромиссов, технологий, взвешиваний, уговоров и дипломатии. Это особые «беспричинники», существа, берущие причину жить и не от самих себя, и не от природы. Этакая вторая производная человеческого мира, искусство после искусства.

Жизнь ценности, по сравнению с жизнью ее пользователей, примитивна. А вот сложности и успехи последних просто ошеломляющи. Пользовательская подмена коварна: театр людей превращается в театр кукол.

В конце концов, всё сводится к наслаждению. Наслаждение существа, лежащего в теплой грязи под забором, и наслаждение гениального математика, играющего формулами, суть одно и то же. Но наслаждение в грязи доступнее, древнее и устойчивее. Нижняя или верхняя точка равновесия заняты — жизни безразлично. Наслаждение не является ни причиной быть, ни причиной не быть. Но это хороший индикатор точности и высоты равновесия.

Путешественника «в себе самом» — манит путешествие по вертикали. Подобно жучку, что всегда ползет к верхнему краю былинки. Зачем? Для взлета? Но даже бескрылый жучок стремится к пределу доступной ему высоты. Разница между жучком, наслаждающимся игрой с вертикалью природы, и человеком, играющим с вертикалью культуры, конечно, есть. Вертикаль жучка видимая, осязаемая, она — причина и следствие, начало и конец его игры. И жучок поднимается один. Стебель человеческой жизни виден лишь до пределов натурализма. Далее он уходит из поля обычного зрения. Подняться возможно только в одном случае — вместив в себя самого и подняв, всех остальных. В этом привлекательность людской истории. Она не бывает посторонней, но легко может сделать посторонним тебя.

*****

КОЛЛЕКТИВНОЕ ОНО

Всем нам рано или поздно придется уйти. Всё живое борется за продолжение себя самого. В очевидной природе это продолжение с тебя

начинается и тобою же заканчивается.

В человеческом обществе всё иначе. Пробужденная общая жизнь не сворачивается в себя, чтобы преодолеть небытие, стремясь пробудиться в своем новом натуральном цикле. Коллективная природа жизни человека, в отличие от окружающих предметов, способна не засыпать. Люди приходят и уходят, а коллективный разум бодрствует, становится всё более сложным, мощным, быстрым, всемогущим и вездесущим. Он копится, как мед в пчелином улье, из микроскопических, непрерывно прибывающих капелек - опытов отдельных жизней, сложенных вместе. Он не спит никогда!!!

Чудо человеческого бытия устроено до феноменального просто. Я способен продолжать не только самоё себя, но и продолжаться в других. Банальность и школьно-родительское назидание, известное всем с младых ногтей. Но именно этот социо-технологический прием лежит в основе развития коллективного «Я». Нравственные критерии, управляющие этим развитием, могут быть различными во временах, пространствах, цивилизациях и народах. Цветы на лугу жизни не повторяют друг друга, но все вместе они и составляют праздник самой жизни. Жажда продлить свою индивидуальную, короткую натуральность в других очень велика. Найти способ вложить себя, отдать себя, реализоваться, быть нужным — такие знакомые, известные слова. А ведь это и значит войти в память, в историю, в общее течение цивилизации.

Создавая уникальную теорию или новую машину, или же занимаясь добрыми делами, помощью соседу по лестничной площадке, в принципе мы участвуем в едином процессе увеличения коллективной памяти, в росте добра или зла, Бога или дьявола, жизни и смерти, плюса и минуса, начала и конца. Коллективный опыт и коллективная память занимают скорее всего какое-то уникальное, равновесное, промежуточное положение, непрерывно балансируя между антагонистическими полюсами, провоцируя и вызывая к жизни их огромную энергию, и так или иначе поднимаясь на "возмущенной" волне. Отдать себя другому, пожалуй, единственная, до конца понятная технология испробовать на себе «тест на бессмертие». Модель, разумеется, весьма относительна.

Как будто действительно существует некая колоссальная сверхличность, разум, единичное «Я», которое развивается посредством внедрения самого себя в каждую живую капельку, в каждую живую человеческую сущность и растет там, и пользуется личностью словно волшебной ретортой для проведения опасных опытов, поисков пределов возможного и расширения границ знания, границ жизни. Если бы эти эксперименты происходили снаружи, в мире внешнем, буквально единственном и неповторимом, то легко представить, как скоро он бы погиб. А экспериментируя в мире внутреннем, коллективный разум рискует не больше, чем тело одной клеткой. И тем не менее внутренний мир — если он вмещает достаточно много — вполне подходящее место для проведения пионерских экспериментов и небывалых опытов. Поиска нового зерна, поиска новизны, поиска небывалого. В свою очередь, находки внутреннего мира стремятся наружу, стремятся воплотиться. Им кажется — они всего лишь хотят заявить о себе. А с точки зрения экспериментирующей

инициативы коллективного разума - они возвращают «инвестиции», докладывают о результатах эксперимента в виде мысли, образа или прямого действия. Разум личности просыпается и засыпает для эксперимента внутри себя «по заданию» коллективного разума, который (я с удовольствием повторю эту мысль) не спит никогда. В этом его феноменальное и непостижимое отличие от разума во плоти. Относительное бессмертие обеспечивает себе тот, кто востребован жизнью и продолжается в памяти потомков. Исчезнув физически, сократы, платоны, екклезиасты и пушкины продолжают существовать и активно действовать.

Всё борется за продление себя самого. Тест на бессмертие удивительно прост: отдавая себя обратно в океан памяти, ты вольно или невольно пополняешь этот океан, участвуя в физическом круговороте информации и в качественном ее преобразовании путем жизни и смерти. Дерзкие открытия, достижения на полигонах внутренних миров или итоги катастроф, выйдя наружу, прорастают новым знанием, новыми технологиями, новыми представлениями о мире, образованием новой обыденности и новых, более сложных, обывателей. Получается, что отдельной личности вообще не существует. Отдельный человек не является началом и концом круга бытия, хотя с позиции эго всё кажется как раз наоборот. Пополнить собой мир, если угодно — собой и своим именем огромный, безымянный, без конца и края океан памяти — это и есть понятная, вполне доступная для каждого стремящегося человека вечность. Новое будущее всегда рождается из зерен новизны, пришедших путем наития, будь то религиозные откровения или научные прозрения. Будущее существует не во времени, оно существует в информации.

*****

ЗАКРОЙ ГЛАЗА И СМОТРИ...

Сегодня опять начинается новая жизнь, то есть я пытаюсь забыть предыдущий опыт. И мне хочется говорить о самой удивительной материи мира — памяти. Мы принадлежим ей целиком, она же нам — лишь частично и то по выбору, по случаю.

Я нахожусь в огородном домике, построенном отцом. На улице сильный ветер, глубокие сумерки, электрического света нет. Скорее всего, ветер повалил деревья и порвал провода. Я топлю печь и размышляю о том, что память — это не воспоминание, память — это прямое овеществление времени и такой же прямой распад вещества. Через овеществленность время уничтожает само себя, но дает при этом удивительный плод — прибавление общей памяти. В этой вселенской копилке нет ничего, кроме потенции, которая может быть выражена как угодно, где угодно и через что угодно. Памяти безразлично, кем она станет.

Я сижу спиной к окну и смотрю в старинное зеркало-трюмо. В нем отражалась жизнь двух поколений моих родственников. Но зеркало их не помнит, оно отражает только миг. Сейчас я вижу в нем перевернутый закат и ветви деревьев, которые раскачивает сгущающийся ветер. Я пытаюсь отдалиться

памяти, чтобы уподобиться этому зеркалу, но не так-то просто достичь желаемого. Настоящая память, в которой нет ничего, кроме пустоты, слишком далека. А то, что владеет мной — просто сложный "отпечаток" суеты, которая не имеет к памяти никакого отношения.

Существо мое подобно государству: в нем царят распри и междоусобицы. Бесконечный спектакль, театр образов кукольным действием мельтешит перед глазами. Звук внутри меня хранит эхо несуществующего. Простые телесные ощущения постоянно напоминают о себе и требуют удовлетворения. Я не могу быть памятью, не могу быть ее квантом. Я всего лишь механизм, в котором этот квант вырабатывается помимо собственной воли. В мире нечего делать, потому что всё в нем делается само. Путаница происходит от недостатка простоты.

Вообще, как я выделяю из потока жизни людей, выбираю долготу и уровень контактов, определяю способность отдавать или отдаваться, искать партнерства или избегать его? В качестве ответа всплывает слово «память». Глубинное, почти звериное чувство прямого знания — вожденная, почти недостижимая мечта для разума. Я понял, что помню людей телом, наитием, ощущением родственного тепла и связанного с этим ощущением комфорта. Признак земной, человеческой памяти — удовольствие. Эта награда судьбы случается не так уж и часто. Поэтому даже мимолетный, но действительный резонанс родственных душ помнится десятилетиями. А десятилетия, прожитые без этого резонанса, вызывают недоумение; так досужий прохожий подзывает свистом чужую собаку, но за этим не следует ни пищи, ни дружбы. Прохожий испытывает стыд, собаке всё равно. Вместе они создают театр памяти, но памятью, опять же, не являются.

Причина может наблюдать следствие, следствие причину — никогда. Именно поэтому продуктивнее отдаться, чем познавать данное, уничтожить частную память, чтобы посягнуть на общую. Память не может быть выражена словами или памятниками. Выраженная, она, скорее, лишь подчеркивает беспомощность человека, его беспамятство. Хитроумный трюк взаимоисключения понятий позволяет создавать многомерность представлений, играть понятиями, чтобы те, в свою очередь, превращались в действия. Сценарии действий, взявшие управление жизнью на себя, стараются исключить элемент игры и втягивают людей в порядок. Порядок — это раковая опухоль памяти: нечто живое, но устроенное по-своему, нечто временное, но претендующее на вечность. Порядок любит себя, и это непостижимо, как если бы зеркало любовалось отражениями, побывавшими в нем.

Я вкладываю в слово «память» удельный вес всего и вся, при этом освобождая модель от каких бы то ни было определений. «Память» более точно заменяет религиозно-поэтическое слово «любовь». Любовью легко спекулировать, превратив ее в самолюбие. С памятью эта трансформация не получится, память однозначна, как математика. Возможно, приходит время, когда беллетристическую расплывчатость нужно будет приводить к высшей определенности — к точке.

*****

Я плюс-минус Я

Беседа в дороге, даже если это беседа с самим собой, превращает путь внешний в путь внутренний. Внешняя дорога становится незаметной и незначительной, а внутренний результат вполне может оказаться опорой на долгие годы. Примерно по такому же принципу опускают в глубины земли срубы колодцев или же строят циклопические заводские трубы, постепенно наращивая тело строительства изнутри и отбрасывая ненужную опалубку от затвердевших частей. Сочетание устремлений и достаточно долгой технологии приводит к результатам, которые образуют пейзаж, среду обитания, характерный облик жизни, будь то город, поселок или же внутренний мир человека. Глубинные или выдающиеся высотные сооружения придают характерности экзотичную узнаваемость.

Ландшафт моего внутреннего обитания, в основном, конечно, напоминает те места, в которых я родился и живу. И бесконфликтно соответствует им, и соотносится с ними качественно. Это — провинция и ее провинциальность. Внутри меня уютно расположилась ностальгическая память о неторопливом частном секторе, пригородах, утреннем мычании скотины, людях, ведущих полурастительный образ жизни, и закадычных друзьях, с кем было легко и приятно путешествовать из года в год, пить сухие вина на студенческих вечеринках и "междусобойчиках", гусарствовать с охотничьим оружием в руках в местных лесах и полузаповедниках, до фанатичного изнеможения, с удовольствием истязать себя велосипедными походами. Внутри меня звенят комары и стоят палатки, трясутся на плохих дорогах машины, скалят желтые зубы случайные хулиганы и пьяницы. Но посреди всего этого нажитого хаоса и неопределенного движения есть нечто почти вечное, по крайней мере, годное на мой век — люди, которых я любил больше себя самого, знатоки, которые знали больше меня, благородные личности, у которых я учился искусству видеть мир и делать шаги, соответственно этому видению. Я сознательно искал людей, которые были лучше меня, и я их находил всюду. Если самоочевидным образом кто-то не подходил на превосходящую роль, легко было выдумать недостающие качества. Мне всегда казалось, что именно таким образом можно сохранить в самом себе незыблемый покой провинциала, опору на силу земли и в то же время преодолеть обидную, невыносимую, врожденную, как рефлекс, провинциальность. Люди во мне были заведомо лучше людей вокруг меня.

Прием оказался удачным. Круг знакомств непрерывно расширялся, осваивал новую географию, обрастал столичными и деревенскими связями — от эзков до академиков и обратно. Собственно, это не было самоцелью, мне нравился сам диапазон происходящего. Беззаконие внутри меня превосходило беззаконие снаружи. И это само по себе было законом свободы. Обязательный пуд совместно съеденной соли, который требуется для неконтролируемых и неоцениваемых взаимоотношений людей, именуемых «дружбой» или

«любовью», этот пуд оказался универсальным. Съеденный по шепотке от каждого он служил в дальнейшем волшебным ключиком даже к мимолетным знакомствам. Язык исповедальности и откровения человека, разговаривающего с самим собой в присутствии другого — это ли не награда в мире, где открытость и откровенность невозможно получить ни за деньги, ни под пыткой.

В моей последней записной книжке несколько тысяч телефонов и адресов близких для меня людей. Две предыдущие записные книжки, к сожалению, потеряны. Раньше я вел сверхактивную переписку со многими вошедшими в мою жизнь людьми, отправлял и получал в день до полутора-двух десятков писем, чаще всего переливая информацию из пустого в порожнее, либо кривляясь перед адресатом, особенно, если это была девушка. Я не помню, как именно ушла, исчезла навсегда страсть напоминать о себе, а на ее месте возникла привычка обратного свойства — хранить людей внутри себя. Многие обижались и обижаются до сих пор: «Почему не пишешь? Ну, хотя бы позвонил...» А зачем? Эти люди всегда со мной, и встретившись через 20-30 лет разлуки, мы продолжим беседу, словно прервали ее пять минут назад. А с особо близкими и глубокими я могу продолжить после многолетней паузы и совместное молчание. Всех своих ношу с собой и наивно надеюсь на нечто ответное.

Но люди всё-таки больше любят напоминать о себе и подчиняются моим правилам лишь в моем внутреннем мире. Когда эти правила выходят за пределы моего «я», они, как ни крути, образуют инструмент насилия для "привыкших к привычкам", уж простите за тавтологию. Привычка, конечно, нужна, чтобы действовать быстро и точно, не задумываясь. Но если ты хочешь действовать иначе — измени привычку. Именно действовать, как действует вол, везущий телегу, а не пробовать, как пробует дамочка новый сорт винограда.

Люди внутри меня прекрасны, каждый из них — делатель себя самого! Сами по себе они — как буквы в алфавите; соединяясь же, отдельные имена превращаются в праздник для филолога, в сообщества цифр и знаков, описывающих силу и бесконечность вселенной. Люди внутри меня идеальны, и поэтому я точно знаю, насколько плох сам.

Жена Оксана, человек очень чуткий к погрешностям души, однажды за чаем спросила: «Скажи, а у тебя есть вот такие друзья, близкие-близкие, без которых ты бы не прожил? Ну, такие, в традиционном понимании дружбы? Чтобы ты тосковал без них, что ли...» Потом она отстраненно, словно впервые увидев, осмотрела меня и неожиданно добавила: «Мне кажется, у тебя вообще нет друзей и быть не может». И тут же сама испугалась: «Ой, извини, пожалуйста. Что я такое говорю?! Прости. Но ведь как-то с людьми ты сходишься, по какому-то признаку ты же их подбираешь, не всем подряд протягиваешь руку. Или я не права?»

Я мысленно осмотрел свою жизнь, пространство вокруг себя и не нашел подходящих приоритетов для ответа в том тоне, в каком требовал этот вопрос. Оказывается, я привык жить скорее ожиданием дружбы, чем самой дружбой. Предчувствие давало пищи больше, чем само чувство. Я сказал об этом Оксане. Она удовлетворенно кивнула: «Ну вот, я так и знала». Лукавая улыбка сделала

ее лицо еще более привлекательным. Мы посмеялись.

Оксана, привыкшая разглядывать невидимую суть вещей, интересовалась немаловажным — какое небо над ландшафтом моего внутреннего мира и из чего оно состоит. Это были вопросы профессионала-творца: не как дышат друзья, а как и чем дышит само явление дружбы. Я привычно начал играть понятиями и словами.

Дескать, небо, распростертое над живущими, первостепенно и незаменимо для них. С точки зрения неба наличие или отсутствие человеческой жизни не изменит ни его самого, ни его настроения. Обычная дружба — это чаще всего свадьба между двумя полубеспомощностями, которые ищут в объединении желанной цельности бытия. Но чаще всего дружба нуждается в неоригинальном посреднике. В роли сводни, связующего звена, цемента, скрепляющего взаимодействие, выступают то бутылка, то икона, то концлагерь, то специально придуманные удовольствия или трудности, наподобие казино или альпийского восхождения. И - в противовес: дружба с населением внутреннего мира абсолютно прямая, она полностью исключает посредников, вместе с тем, дает независимость от всего перечисленного, - дружбу с самим собой.

Эгоист поймет эти слова по-своему и, скорее всего, приведет их в укор сказавшему. Человек, достаточно одинокий для счастья (или достаточно счастливый для одиночества), просто кивнет мне в знак согласия. А Оксана продолжала допытываться: «А по какому признаку, в конце концов, ты вносишь людей в свою записную книжку? Я же знаю, ты записываешь туда только тех, кто становится частью тебя самого, частью твоей жизни. И они тебя записывают так же».

Ну да, всё именно так. Хотелось бы, чтобы так. И всё же — по какому признаку? Туристы, бизнесмены, попутчики в купе, москвичи и петербуржцы, парижане и сибиряки, верующие и неверующие, образованные и не очень, предававшие меня и помогавшие мне, совсем юные и те, кто уже мертв... Я воспринимаю их как единое целое, как ласточка свое гнездо, слепленное по крошке. В этой книжке нет бывшего и будущего. Вероятно, в ней есть только я, фрагментарно состоящий из материала жизненных встреч. Но всё же, всё же, всё же... По какому признаку мы вместе в моем внутреннем мире? Именно внутреннем. Вряд ли стоит обольщаться насчет единства здесь, на грешной земле.

Именно в тот вечер, в заумной болтовне, объясняя и оправдываясь перед Оксаной, я нащупал искомый параметр. Он был банален и непостижим, как всё банальное — это оказалось время; и, опять же, не просто время, как таковое, а скорость времени, скорость его течения. Я вдруг отчетливо почувствовал, что время течет по-разному в небесах и на земле, внутри меня и снаружи, в деревьях и камнях. У каждого — своя собственная скорость этой трудно понимаемой и трудно объяснимой силы.

Дружбу я никогда не называл этим словом, я всегда говорил «обмен жизнями», «обмен жизнью». Теперь стало понятно, почему. Наши жизни — детище движений. И, поднакопив кое-что внутри себя и нуждаясь в новых накоплениях, дружеских обменах и связях, невозможно осуществить это, если не

соотнести скорость своего внутреннего времени со скоростью времени друга. Именно совпадение скоростей и векторов движения делает чудо. На минуту, на час двое, трое, армия людей становятся "все, как один". И это незабываемо. Ради этого люди идут на войну, на смерть, жгут фимиам, становятся любовниками или посвящают себя отшельничеству. Я не смог бы обменяться жизнью с временем встречным, либо текущим поперек траектории моей жизни, либо находящемся в ином слое или горизонте бытия. Но даже устремленные в одну сторону, сделанные из одного и того же теста, говорящие на одном языке мы далеко не всегда можем вместить мир ближнего в свой собственный или ответить тем же даром. Как если бы пешеход попытался обменяться папироской с пассажиром реактивного лайнера, летящего над головой в том же направлении. Абсурд? Конечно же, абсурд. Но именно разница в скорости наших времен делает жизнь самого человека и жизнь вокруг него почти всегда абсурдной. Не тело, не руки, ноги, не прихоти разума и не крылатая душа, а время, текущее небо внутри нас ликует, если встречает попутчика. Всё остальное лишь присоединяется к этому ликованию. Небо тогда населяют ангелы, разум становится светильником, а тело подтверждает идею здоровья и здравости. Равенство текущих времен дает нам ощущение покоя даже в коллективе. Вероятно, вся внешняя природа, лишённая мятежности, достигла этого состояния равнодушия, равной души снаружи и изнутри, удачно соотнося скорости течений времен.

Равенство временных течений уничтожает механизм страданий, исключает его, делает невозможным в принципе. Совпадение скорости времени внутреннего и внешнего — редкость, небывалая редкость для мира людей. Обычно в юности время внутри человека течет настолько стремительно, что кажется — его нет, оно сливается, как спицы быстро крутящегося колеса. А на закате жизни наоборот, сливающимися воедино спицами уже кажется суета вокруг, а внутри наступает покой заводи. В течении жизни, конечно, случаются моменты покоя и благодати, той самой благодати, когда всё всему равно. Эти мгновения помнятся как мгновения счастья и составляют внутреннюю человеческую вечность.

Богоборчество мыслящего бунтаря на планете — это игра пловца с течением реки времени, глубина которой неизвестна, направление неведомо, а подчинение ее влечению безусловно. Я — краткосрочная, обособленная капля в безмерности всего текущего, но я смею течь внутри себя самого иначе. Большое и малое — нас объединяет игра с течением. Тысячи капель в моей записной книжке, сливаясь воедино, образуют внутри меня реку времени, идеально подходящую для моих представлений об этом предмете. Личное время — внутри меня, взаимовыраженное друг через друга, большое и малое. Я не сопротивляюсь, могу бесконечно долго плыть в этом течении либо сидеть на берегу, в полной мере испытывая то чувство, которое люди называют словом «дружба». Когда я умру, река снаружи и река внутри меня сольются. Это только постороннему, плывущему рядом наблюдателю относительность подаст ложный вывод — время остановилось. Это не так. Совпадая во всем и вся, многая дружба восходит к единой любви.

Ижевск, 2003 г.

*****

С ОТПЛЫЗДОМ И ПРИПЛЫЗДОМ!

Эпиграф.

- А не пошел бы ты, Иван-царевич за тридеветь земель добрых людей послушать?

- А пойду-ка я, бабушка-царь, за тридевятть земель, да и сам орать буду!

Летом 2000-го года я совершил несложное путешествие по реке Мане (Саяны, Красноярский край). Эта специализированная алкогольно-гитарная экспедиция известна посвященному кругу поющих друзей, носит традиционный, многолетний характер и собирает под свой флаг ежегодно 50-100 единомышленников. Название мероприятия - "Бард-сплав". В общем, это соответствует истине: некогда по реке Мане осуществлялся молевой сплав леса, а ныне по ней, обычно в июле, спускаются на плотях те, кто несом над рекой аки бревна... Хорошие люди - от Москвы до Владивостока. Двадцать дней веселого бедлама. Такого же, как везде, как всюду, как всегда после пары стаканов, залитых в тело русскоговорящего таланта. Я не буду писать об этом, но охотно поделюсь "второй производной" - мыслями и образами, возникшими во внутреннем мире автора (увы, трезвенника) под активным влиянием той самой внешней среды.

Итак, плот отчалил, все закричали:

- С отплыздом!!!

1.

Обычно мы ввязываемся в ситуацию и она сама "пишет" по нам тем, чем ей сподручно: где топором, где филигранью, а то нечаянным звуком. Насколько же качественен, пластичен и подходящ "материал", на котором жизнь упражняется? В конце концов, так ведь и появляется на свет долгожданная сделанность: сделанность мира, сделанность смысла и действий самого человека.

Мне всегда казалось самоочевидным, что то, что мы называем "информацией", - первую из всех сил - располагается поверх вещей, традиций, имен, карнавалов и мудрований. Есть информация - прирастает бывалое небывалым, а на нет и суда нет. Без компромисса: сбывшееся информации в себе не несет. То есть, не важно и не интересно, что человек ест, как одет, что говорит, как действует, чем обладает и с кем связан. Но важно другое - предощущение невозможного и феноменальный (дикий, духовный, случайный)

бросок ТУДА. Любым способом: вериги, молитва, тюрьма, просвещение, йога, алкоголь, писание стихов - все, в принципе, годится, все одно и то же. Рулетка судьбы, азартные игры! Подсознательно, интуицией это чувствует любой еще "несбывшийся" человек (то есть, продолжающий расти, развиваться, искать себя, по-детски ввязывающийся в непредсказуемые пути). Хочется жить, не засыпая, не останавливаясь, продолжать ежемгновенно (в идеале) узнавать самого себя, нового, прошедшего через новые испытания. Авантюризм с плюсом. Самопобудка. Искусство сделать себе кризис.

Что заставляет серьезного взрослого женатого человека с высшим образованием и приличной должностью однажды надеть на себя дырявые женские колготки, изукрасить лицо губной помадой и сажеей из костра, навесить шутовских побрякушек, беспробудно уйти в ненаказуемый запой, глубоко замаяться в душе, но орать, орать при этом под гитару неисцеляюще-веселую "оральную" глупость? И гордиться потом этим своим периодом в жизни, и страстно хотеть повторения, и считать подобную "свободу" от себя самого чуть ли не высшей пробой опаленной души!

Зачем?! Человек, уравновешенный в обыденной жизни, уравновешен и в лесу. Городские гении, компьютерные головы, артисты, режиссеры, врачи, поэты, инженеры и руководители, решительные акселератки и отчаянные многоженцы - вот кто дает жару! Приличные люди, играя в дураков, становятся ими. В силу природных данных и отпущенных им Богом дарований, делают они это с особым размахом. Мощно. Красиво. Зловеще и незабываемо. Могут, у них - получается. Слово, отклонив качели своей серьезной мирской жизни в немалый "плюс", они неизбежно летят в поднебесный "минус". Они подчиняются этому, как закону природы, заодно получая двойное наслаждение: то от немалой собранности в труде, то от такой же "расслабухи".

Грехопадение, возможно, - это часть общечеловеческого процесса, тренинг по "подпрыгиванию" в направлении рая. Просто умные и сильные управляемо дольше тянут во времени продуктивный "плюс" бытия и обвалом проживают деструктивный "минус". Именно этим они отличаются от банальных алкашей или роботоподобных трудоголиков. С этой позиции, несомненно, важны: и "глубина" падения, и личный вес, и амортизационные качества "дна", и техника обратного выхода, и накопленный опыт, частота попыток и "амплитуда" скачков.

Оп-ля!

- Знаешь, кто у меня здесь плавал?

И Владимир Бортников, - прозываемый всеми попросту Борт, - крестный отец похода, распорядитель спонсорского спирта, на одном дыхании, залпом перечислил десятка два канонизированных в авторско-песенном мире имен.

2.

Божий дар - штука горластая и неутомимая. Находясь внутри действия, но как бы наблюдая его со стороны, просто поражаешься стойкости наваждения: поэт поэта слышит плохо. Звучащий поэт слышит только себя, но при этом он свято верит, что сверх меры осчастливил других. Хотя каждый сам по себе интересен, не прост и не чужд интимным молчаниям перед вечностью. В Росси

почему-то хорошие люди, собравшись в одном месте да еще и с чувством идейного братства, неизбежно глупеют, подражают дурному. В этом отношении настоящий зритель, слушатель более продвинут - коллективным вниманием создается особая Тишина, в которой становится возможным услышать неслышимое. Собственно, с этого ведь все начиналось... Рифмованные вопли обладателей пьяного самолюбия ничего общего с этим не имеют. Атакующий рок - тоже. Поэзия - это ведь то, что почти без слов, просто и тихо... Я не против рока, он хорош в другом месте - будить мертвых. Появись на любом нынешнем шабаше авторов кто-нибудь из того, романтически-элегического прошлого, он бы ахнул: "Уж лучше быть глухонемым, чем только глухим!"

Произошедшее закономерно. Содержание (чувств, тем, текстов) уже не представляет уникальности. Все стали одиноково хороши. Приличный уровень владения инструментами и работа со словом, - то, что еще вчера было уделом немногих, - стало обыденностью, неудивительной нормой. "Серая масса" освоила для повседневного проживания новые этажи жизни. Это, наверное, хорошо. Следующих этажей пока не видно, может, строить их некому, то ли не из чего. Поэтому соревнование первых ринулось в формотворчество - чье шоу ярче, чей звук громче, чье поведение экстравагантнее. Пир в разгаре - это верный признак чумы. (Я намекаю на высшее из искусств - рождение действительно ИНОГО образа жизни. А не рождение духовных гримас и прекрасных оправданий взамен бессилия).

3.

Этимологический взгляд на слова обнажает их красоту: со-бытие, со-дружество, со-держание, со-житие, со-причастность. Кто знает, может маленькое "со" - это и есть наше тщедушненькое я, а все остальное определяется здоровьем и настоящестью "бытия", "дружества", "держания", "жития", "причастностью"... Думаю, ключ к нашей внутренней экологии здесь: не прикасайся к больному, если нет в тебе силы исцелить его! Буквально: нас сотворяют наши же прикосновения. Так научил меня мой собственный опыт. Человек всю свою жизнь только и делает, что соразмеряет да выбирает: а выберу-ка я профессию социолога - получилось, а выберу теперь вечеров с подружкой - тоже получилось... Самое время сказать: и так далее. Научившись некоторой брезгливости в жизненных прикосновениях (многие называют это воспитанностью, культурой), тут же обнаруживаешь, что одной брезгливости мало - сами "невоспитанные" тебя то и дело лапают! И ты, того не желая, оказываешься вовлеченным в чужое со-бытие, чужое со-держание, чужую со-причастность... Такая чехарда. Круг жизни вертится и мы - то ли его спицы, то ли, как говорил умный Лао, пустота между ними.

Я не понимаю, зачем смотреть на небо глазами смертного? Бездарность воеет на Луну. Больше видишь, когда смотришь на землю глазами Духа. Яркие пятнышки разбросаны по городам и весям - это одаренности, они чувствуют в себе неземной вакуум и просят небо: прикоснись, прикоснись скорее! Сила неба - огонь! Огонь не умеет пробовать и не умеет отступать. Он легко и бездумно приходит к тому, кто зовет его. Пасторы причитают: "Бедные, бескрылые божьи пташки, сколько же погорело вас, не готовых!"

Звать Дух - одно, вместить его, не сгорев, - другое, стать его рукой - третье. Игра с огнем - игра со смертью. Не оттого ли так превозносят ее, Косую, поэты, что так и не стали вечным духом, зато сами торжественно сделались ранней смертью; им ведь казалось всю жизнь, что это одно и то же...

Одаренность, лишенная достаточной "пропускной способности", кончает бездарностью. Например, физической.

Дух слепо стремится на приглашение. Человек для него - "черный ящик"; предполагается, что духовная энегррия на входе, дойдя до выхода, превратится в одухотворенные действия - т.е., посредством адепта совершится экспансия Духа на землю. В так называемой борьбе добра и зла добром будет выигран бой местного значения. Но так бывает исключительно редко - святых "проводников" мало. Что же случается (а взгляд по-прежнему направлен оттуда-сюда) при встрече с "полупроводником", когда "канал" личности сильно загрязнен унылыми качествами, (не стоит перечислять)? Худо бывает! Душа "горит", мозги "плавятся", тело "ломает". Далее можно развить классическую проповедь о том, как нам обустроить себя. Не хочу.

В "черном ящике" от немалой энергии все "нечистое" горит и плавится, короткие замыкания трещат и воняют, Дух шуток не понимает - чаще всего, на выходе двуногого "ящика" мы слышим реально одухотворенные: боль, крик, личные стоны и жалобы. Знакомо?

Одухотворенное самолюбие от одухотворенной любви отличается по признаку обыкновенности; любви хватает обыкновенного, самолюбие - затейливо выделяется.

Всякий раз коробило, когда самобытная поэтесса с великолепным миром собственных образов, во внешнем, повседневном общении пользовалась откровенной грубостью, почти агрессией, языком мата, пошлости, примитивных шуток. Неужели такая "кора" нужна для охраны внутренней жемчужины?

Я не уважаю ни героев-одночек, ни стада "самосгорающих". Я не признаю высоты их печали и культов самопожертвования. При взгляде ОТТУДА, они напоминают странный негатив земной жизни: за право "распяться" готовы на все!

4.

Брюзжать приятно. Раньше о мертвом не говорили плохо, сегодня о хорошем так и хочется сказать: мертво! Но брюзжание, слава Богу, относительно; помню, в редакцию однажды пришел автор и принес огромную подборку "брюзги" - цитаты великих по поводу будущего, молодежи и необратимого падения нравов. Впечатлило. Семь тысяч лет назад вопили так же: "Все пропало!" Но вот, живы, живы курилки! Это очень обнадеживает, вселяет оптимизм и веру в чудеса. Можно ни о чем не беспокоиться. Только о себе самом. Я понял: брюзжание - это вид пророчества для мира внутреннего. Сбывается стопроцентно.

"Быть или не быть?" - Принц так и не ответил, не успел, героически скончался меж двух вопросов. Глупцы трактуют Гамлета, как тривиального самоубийцу, рефлексирующего европейского интеллигента. Духовидцы, я

думаю, сочувствуют персонажу: со-быть ему не с кем было, но не с кем было и не-со-быть. Не быть - это ведь не пуля и петля, это - огромная современная индустрия для самозабвений, а также всевозможные самодельные способы забыться, "отдохнуть".

Пакет параметров поведения среднего автора на среднем слете прост: в КСП поют исключительно для себя, автор автора не слушает - нечем, объединяет тусовку атмосфера со-не-бытия: самозабвенное искусство, самозабвенные разговоры, самозабвенное панибратство плюс океан алкоголя, ну, можно травки добавить, если так дури не хватает. Самозабвение - парадигма подобного "от-дыха". Слеты, походы - временно создаваемые оазисы антижизни с отсутствием стыда и ослабленными моральными тормозами. Работает безотказно: искушенные городские гамлеты вовсю и охотно срамятся, но зато выживают. Разумеется, есть внутри и свое "сопротивление", но это - чужаки, случайные люди, наивные простачки, их мало. Не пьющие, не матерящиеся, не пинающие дружески под зад женщин. Тьфу да и только!

5.

Особая забота - ФОН, на котором будет проявляться ситуация в целом и каждый участник. Фон - это все! Главная действующая сила. Он может поглотить тебя, может, наоборот, создать долгожданный контраст, может жить своей собственной жизнью, может спрятать или выдать с потрохами. Фон - хозяин спектакля бытия, актеры лишь мимикрируют или бросают ему вызов.

Кстати, человеческая комедия перестают быть трагедией, едва стоит начать комедийничать. В реальной жизни не получается, а на природе - пожалуйста! Не потому ли, что природа - фон очень радостный, неистощимый и сверхтерпеливый. К тому же, необычайно живучий, настроенный по отношению к партнерам только на гарантированное СО-БЫТЬ. На природе все вдруг само собой (в одностороннем, как водится, порядке) приходит в приятное соответствие и гармонию. Хо-ро-шо! Плавающая наша экспедиция загаживала стояночные поляны со скоростью нескольких враз опорожняющихся ассенизаторских цистерн. Но впереди - ах, какое чудо! - нас ждали иные девственные дали, успевшие с прошлого года самоисцелиться от единения с подобной же экспедицией... Хорошо - это когда, несмотря на твою личную "плохость", хорошего вокруг больше и оно безоговорочно сильнее. Я, разумеется, говорю не о тех полях, где пасутся саблезубые Пегасы.

Мы все живем на фонах: истории, традиций, законов и слухов, страхов и симпатий. На фоне друг друга мы разглядываем свои идеи и либидо. И все мало, мало... Мне хочется написать осанну Его Величеству Фону! На "Грушу" умные приезжают подурачиться, дураки поумничать. Фон позволяет. Редкая, приятная возможность, не жаль денег на билет. "Ты кто?" - "Я? Никто!" - "И я никто! Давай скорее дружить!" Но самых недевственных и отпетых (угадайте в этом словечке двойной смысл) тянет еще дальше, поближе к первородному Лону, в Сибирь, что ли. Вообще никаких денег не жалко. "Ты меня ужашь?" - "Увжаю, бля бду!" - "Но я тбя все равно сделаю!"

Очень весело, оригинально - подложить под ухо спящему руководителю похода взрывпакет, а потом хором посмеяться над тем, что человека контузило.

Считается юмором. Называется "сделать Борта". Каждый здесь делает себя, как умеет, как может. Прикасается. Пусть, я ханжа, но нравы, похоже, и впрямь маленечко тае... И, главное ведь, без обид. Как у ангелов или как у животных.

Только настоящий ФОН все стерпит. Чувствуете, кто еще, кроме матушки-природы, на такое способен? Правильно, бумага! Развивать дальше мысль не буду, эта дорога уходит в виртуальную бесконечность.

Фон управляет поведением людей искусства и людей искусственных, подражателей, плагиаторов стиля, разрабатывающих чужой золотиносный пласт вдоль и поперек. Там, где ослаблена аура внешнего социального ценза, даже язвенники и трезвенники могут кое-что "позволить себе". Фон разрешил.

Фоном не улавливается лишь человек естественный, одинаково думающий, чувствующий и ведущий себя в любых условиях, под любым воздействием, при любых декорациях. То есть, независимо тот, кто как раз имеет силу "не позволить себе". Много ли вы таких знаете? Законы их внутреннего мира превышают по своей силе любую внешнюю "картинку". Это - свобода.

Я давно заметил, что, набившие оскомину, разглагольствования о русской духовности - блеф, самооболванивание, нарисованный спасательный круг посреди реальной пучины. Духовность начинается со слова "НЕ" и всегда приходит изнутри. Можно сравнить с машиной без тормозов: либо врежешься, либо имеешь возможность управлять торможением изнутри. В общем, быть или не быть.

Можете ли вы представить русского психа (пардон, поэта) у костра, при спиртовой синекуре, с гитарой в руках, в кругу закадычных любящих друзей и чтобы он при этом не потерял свой человеческий облик? Я не могу. Фантазии не хватает. Жизнь без тормозов! азарт! смертельная гонка! прыжки с моста вниз головой! - русское счастье!

6.

В чем совершенствуешься, в том и преуспеешь. К лихорадочно-припадочному стилю в общении друг с другом надо почувствовать вкус. Общаться следует быстро, подбрасывая словечки наподобие жонглера, делая ссылки на знакомства, вставляя в любую паузу что-нибудь оригинальное, неожиданное, не обязательно умное, собственно, годится и вопль питекантропа, если среда общения - лес.

С удивлением наблюдаю, что кратчайшую дистанцию "человек-человек" информация не может преодолеть без посредника. Нужен кто-то или что-то, буферное устройство: "человек-бутылка-человек", "человек-работа-человек", "человек-песня-человек". Так действует исправно, не зависает. Выбор этой самой передаточной "серееинки" для русского человека дело щекотливое, чаще всего, опасное: посредник на Руси власть захватывает. Бутылка, религия, чиновничья система - все себя на звание Главного метят.

Как вы понимаете, в розовом детстве движения КСП главной была ПЕСНЯ. Даже от "кривого" человека информация легко передавалась другому человеку. Сегодня общаются через ТУСОВКУ. Тусовка - королева бала! Здесь даже от Гласа бы небесного информация дошла до адресата в "кривом" виде. Не того качества передающая среда. Она хороша лишь для козлячества и

телесного кайфа. Или на себе не проверяли?

Ухлестывать за пансионной девицей Музой с манерами завсегдагая публичного дома - не очень-то...

Когда "доза жизни" постоянно увеличивается - человек черствеет. Музыка - громче, ремесло - выше, напитки - доступнее, спонсоры - ближе. Атас!

Вселенная КСП пережила все циклы своей эволюции: "первовзрыв", образование "сверхновых", она теперь "непрерывно расширяется", в ней всюду присутствует "реликтовый фон", и то, что зрячая душа современника наблюдает на сегодняшнем авторском небосклоне - наглядно законченная картина: "Туманность имени М.", "Млечный путь В.С.". Бывает, правда, кометы полетывают, или впрямь мигнет где-то в немыслимой российской глубинке сверхновая, да только кому это сейчас надо-то? Вона как светила есть! Эта вселенная уже завершена.

Куда примениться беременному содержанием? Я неоднократно бывал в родильных палатах - переполненные авторы орут так же. Куда-куда? Формы делай! Сделал содержание, сделай и остальное: агитбригаду, что ли!

Избыточность настоящего автора всегда гражданственна и он обязательно приходит к социотехнологиям, становится, организатором, заводилой, лидером... тусовки. Круг замыкается в еще одну "туманность".

- Куда ты ведешь нас? - это зависит от личных пристрастий господина Сусанина и его представлений о понятии "здоровье".

Зачем, зачем горлопаны так надрывно, так красиво кричат? Я их люблю и жалею: внутри ведь все кипит, жар души прибывает, "свисток" не успевает стравливать адскую смесь из печали, хохота и жажды славы... Только в аду хотят докричаться до своей ТИШИНЫ. Выплеснуться, опустеть, испариться, превратиться в снег, дерзнуть на сплав по реке времени заново.

В глазах у меня много лет, как икона, стоит мальчик Сева, торопыжка, самозабвенно кричащий под гитару о смерти. Он нашел то, что искал, в свои неполных 17 лет. Он много раз справшивал меня, как более опытного:

- Скажи, кто я? Ну, кто я, скажи мне!

Ответ он знал.

- Мудак.

Минута молчания.

Многие не хуже голого Архимеда выскакивают из палатки среди ночи: "Е! Блин! Мать вашу! Смотрите, какую я сделал песню". Искренне радуются лишь священные скарабеи КСП - архивисты, собиратели всего и вся. Ко всякому делающему песни у меня есть расстрельный вопрос: а себя самого ты СДЕЛАЛ? Не в смысле взорванных мыслей в голове и чадающих в сердце чувств, а в смысле собственного ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ.

Уж извините.

Горько от провинциальности. В моем понимании - это сочетание Божьей одаренности и примитивной формы для ее проявления.

7.

- Смотри, китайцы! - жена прижалась ко мне плечом.

Мы возвращались, рюкзаки пахли дымом. Китайцы держались стайками,

дружно, не стесняясь, галдели, у них была здесь своя тусовка: Россия для иноземцев - тайга. Можно все.

Добрые, хорошие слова кричали, расставаясь, наши новые друзья.

Новообращенный, отпустил и я на волю лихое словцо.

- С приплыздом!

*****

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Я построил свои размышления так. В изгнании люди стремятся сохранить самобытность, язык, уклад и традиции. Внешняя чужая окружающая культура обычно помогает ?приёмышу?. Происходит примерно то же, что с веточкой яблони, привитой к грушевому дереву: сильный дает соки, а живут и плодоносят - вместе. Всем хорошо.

...В России сильные создали Колыму, ссыльный край. Постепенно он так окреп духом, что расширился и завоевал саму Россию. Теперь вся Россия - Колыма.

Вот и мой город в незлобной уральской глубинке: бараки, болезни, вранье и усталость. А вот и мой дом, а в том доме любимые люди.

Давай, жена, говорю, не пускать Колыму к себе в дом, а будем беречь еще пуще друг друга, перестанем насмешничать, злиться, настаивать. Нам больше ведь НЕГДЕ друг друга хранить. Она соглашается: негде. Обнялись мы, стоим, две травиночки. А вокруг - зима белоглазая.

2.

Государство и Родина - не одно и то же. Государство - это машина, режим, самоцель, она способна меняться, как мода, как одежда, как железный конструктор; новая страна - новые правила; машина вождельно желает настроить свое «производство» и лишь погодя, безнадежно «потом», как грим мертвецу, она бездумно и насильно наведет своему нечеловеческому образу подобие человечности: наложит румяна лжи, даст оглушающий голос плакатов и бросит в толпу, как подачку, шрапнелью стеклянных глаз...

Родина - одна, как мать, и ее не выбирают. Она любила воров. Сотни лет, будто клиенты в публичном доме, менялись над нею и лики, и лица; Родина забывала себя. Иные страны хотели ее, делали своей, творили с нею то, что неприличествовало делать у себя дома. Бедная Русь! Она терпела, она ко всему привыкла, ее научили любить свою муку. Дурочка, за одно лишь это она могла отдаться любому... И плакала, и старела. Когда и от кого она сделалась бездыханной? Ни жива, ни мертва! Но даже мертвую Русь не оставляют в покое, жадно роются в ее сундуках, тащат наряды и по одному вон рассыпают по свету сокровища женского сердца - нагулянных блядских деток. Мама моя, Русь, не

просыпайся в похмелье, не восставай из мертвых, не истощай свою смерть больше жизни.

Глупо ждать и требовать от очередного Государства, насевшего на мою Родину, чего-то иного, кроме насилия. Родина - песня любви, Государство на Руси - имя смерти. Не одно государство, много разных... Сколько же перебывало их здесь, на моей земле! Чужих и бездушных, проходимцев, расторопных воров, похотливых новаторов, развративших наивное русское племя.

Хочешь погибели, путник? Есть, есть такое место! Оно создано кем-то, как дверь в никуда. Прикоснись, приоткрой и войди, без оглядки и без сожалений. Сильному здесь и разгул, и раздолье, а слабому - рай для забвения. Низкое место, смогом повисшее время, котловина с угарным метаном, кладбище душ и надежд, место для адских иллюзий, свалка несбывшихся планов. Жители тьмы зажигают лампы, трещат фейерверками, суматошной горячкой ума освещают друг друга; в настоящем истории нет, только лживые сказы о прошлом. Здесь по ночам меж пресветлых могил слоняются призраки чьей-то обугленной жизни, гении страха, вампиры, хотящие крови. О, патриоты икон и портретов! Свежая кровь, только свежая кровь - верная пища голодной державы! - напоит обреченных героев до песен о счастье!

Любить свою Родину и любить Государство - все равно что пополам разорваться. Русский человек поделил меж ними любовь, и ненависть. От обиды и муки, от бесплодных стремлений своих он ненавидит любовь, он любит ненавидеть. словно опытный дьявол завязал знаком равенства несоединимое. Легко спекулировать честью, добытой у временных правил. Обманщики вечны, хоть смертен их фимиам. Убей же хотя бы обман, иначе он уничтожит тебя, перечеркни знаки равенства там, где их нет. Государство-самозванец нарекло себя Родиной, вымогая для мертвечины живую любовь. Подмена проста и коварна: слугитель влюблен в услужение, в свое с неживым родство!

Очередное Государство погребло под собой духом нищую, бедную мать, безумную шлюху, Русь, дающую всем. Хорошая Родина та, что, родив, смогла воспитать свою Крепость, одну, да на все времена, непрерывную силу, защиту, опору и дом. Но своего-то здесь нет, а чужого не жалко. Крепость законов скорее тюрьма, чем защита, а чувства, как птицы, в расчет не берутся. Я хочу уничтожить Государство, чтобы спасти свою Родину. В театре времен за антрактом антракт... Может, есть еще призрак надежды? Бессовестный отчим бесчинствует в доме; на твердой земле укрепился он яркой рукой патриотов, вновь сочиняет он мифы о «лжи», чтоб, убивая, называть это «правдой».

Я говорю лишь с собою. Не слышит меня подобный молчун. Каждый твердит в одиночку: победи Государство, но удержи Родину. Ей больше негде жить. Она - изгнанник в собственной земле и в собственных людях. В эмиграции родины больше, чем дома... Дома?! Есть ли он вообще, этот «дом»? Может, и не было у нас никогда никакой Родины, прихотливая выдумка

хищных сирот и просвещенных подкидышей заменила ее. Нити памяти коротки так, как удобно для взмаха вожжами, а «традиции»-однодневки и пошлы, и слишком низки. О чем сожалеть?! Вокруг меня мертвая сила, Родина, ставшая равной Государству, смердящая, гадкая зона, проклятое место. Внутри - немота неизвестности. Вот и прошу об одном у Неизвестного: «Дай же и мне..!»

3.

Кто-то дрессирует нас, как собачек. На свой лад. Лакомство не дают, если хотим быть собой.

4.

Взволнованность ни к чему. Сделать ничего нельзя. Они уже здесь. Они в каждом из нас, в наших домах, в наших детях. Они - всюду! Они споили русский народ, потому что знали, что в честной драке он непобедим. Огромный тщеславный глупец победил себя сам: наложил руки самоубийцы на свою землю, свою душу и свою голову. Они знали, что делать. Они поступили с нами, как с индейцами, сначала развратив, а потом втянув в воронку своих собственных правил. Мы не нужны им, как равные, им нужны образованные, расторопные холуи, умелые полицейай, досконально знающие, где обыскивать и как преподнести. Свои здесь стали чужими. Русь никто не победил, потому что дрался честно, но Они победили, потому что вошли, как свои. Враг в обличии друга. Они будут рады нашей смерти. Они торопят нас умирать, подменяют культуру, язык. Они - победители! От Камчатки до Питера - Новый Порядок, и полицейай полицаю спешит услужать. Русь умерла!? Русское ждут резервации!? Они сохранят его для себя, как экзотику. В собственном доме душа на задворках. Духовное ополчение - только в тебе самом. Ты - последний, кто остался. Храни Россию в сердце. Ей больше негде жить.

5.

Падение состоялось. Гордое державное мышление, масштаб Родины, живущий в сердце магнетизм русского раздолья, - все не то чтобы осталось позади, - ни к чему теперь. Потеряно главное - Образ жизни, образ своего само-бытия. Убито невидимое семя, родное естество - представление о себе, как о самоценном неповторимом явлении. Русь! Себя здесь не жаль! И своих здесь не жалко. Этим ловко воспользовались люди со стороны. Руку помощи тянут оборотни; как во времена оккупации, уши слышат чужую речь, глаза наполняет чужая ?баланда?... Страсть к подражанию, страх и прислужничество сковали людей в эпоху экономического сыска куда прочнее, чем даже в самые лютые годы политического маразма по-русски. Экономика

заведомо ниже культуры, политики, поэтому безнравственность ее власти абсолютна, а нужда в человеческом облике рудиментарна. Ситуацию краха державы сердцем понимают одиночки, но, увы, не из министерства национальной безопасности... Есть только подвижничество чьей-то гражданской совести - последний отчаянный рывок из ямы, который ни к чему не ведет, поскольку все уже состоялось, но он даст хотя бы вдох самоуважения перед последним выдохом.

Не партизанский отряд бузотеров, не армия вооруженных людей, не ?прозаседавшиеся? умники и умницы не способны что-либо противопоставить тотальному разрушению старого мира. Они - служители, и они уже присягнули новому великолепию, опять чужому...

Что остается? Только духовное ополчение неспящих сердец и умов, которое еще долгое время будет тянуть в историческом и культурном пространстве планеты некий «русский след». Своей земли у России в одночасье не стало: распродана, раздарена, разворована. Свой ум в очередной раз подменен на заемный. Разве что небо «своим» назвать тут осталось... Не впервой. Ничего необычного в том, что империи рушатся, конечно же, нет. Горе - когда рушатся небеса. Первоисточник жизни. Образы собственного жития.

Идея сверхчеловека и властелина над недочеловеками не умерла - замаскировалась, мимикрировала под одежды святого, дарителя благ и помощника. Троянский конь въехал в Русь, как триумфатор. И даже когда из него бесконечной чередой посыпались, вооруженные методиками, инструкциями и грантами люди, диковинные волонтеры, никто не забил в вечевой колокол, наоборот, доверчивый люд охотно поверил в очередную иллюзию, а кто не поверил - запил пуще прежнего.

Мы не нужны им целиком. Им нужна территория, недра и способный к обучению русский «человеческий материал», - изголодавшаяся по свободе и возможностям молодежь, благодарно копирующая их во всем. С другой стороны - массовый геноцид, который вершится у винных прилавков, это самоочевидно.

Непомерное количество карательных и проверяющих контор - еще одна собственная мертвая петля, поощряемый государственный суицид. Конечно, никто никого сегодня не расстреливает за веру. Стреляют за деньги, они ведь теперь – «идея». Все совершается добровольно: многомиллионная (и многонациональная) русская «масса» семимильными шагами спускается в ад; толковые, но не сильно богатые избранники ?нового порядка? бьют лбы в услужении, а так называемый средний народ идет на «массовую обработку», но не в газовые камеры, нет, их с успехом заменили «новые школы». В ментальной войне образование выполняет главную роль по переделке полезного пленного контингента «под себя». Модные «веры», верования и «истинные» учения дополняют процесс чужой экспансии, заодно пытаясь подменить и небеса.

Я не против новых знакомств и взаимного культурного дополнения между народами. Я против тотального «вырезания» памяти народа о самом себе.

Ленин прозорливо изобрел в свое время технологию быстреего переделывания «недочеловеков» в «носителей светлого будущего». Это - простое сочетание детского сада, школы и высшего образования с... концентрационным

лагерем. (Дети - пусты, как лист бумаги, а особые - продвинутые - педагоги закладывают на этот лист только нужное...) Тогда не сбылось. Зато сегодня...

Русь, Горюн-камень. Едва богатырь растерялся - растерялась и его силушка. Кто налево пошел, в бутылке забылся, кто направо, заморскую цацу взял в жены, а кто прямо решил - тому уж убитому быть.

Мир ведь и впрямь открыт для любого. Как пучина. Станешь другим - себя позабудешь. С другими сойдешься - своих порешишь.

Тяжелые испытания помогают человеку проявить свои самые лучшие черты, а благоденствие проявляет - худшие. Россия всегда являла своих самых лучших людей со дна, из тюрем, из мук. Лучших сынов, явившихся от простого житейского счастья, от светлого ума и удачи здесь не бывало. Огонь и воду пройти? - Легко! Медные трубы - вот оружие массового поражения на Руси! Этим и победили. И академика, и дворника.

Они нас ведут, а мы наивно полагаем, что идем сами. Послушные до абсурда. Слепые от жадности, спешки и взяток. Мародеры в своем доме. Взрываем на деньги международного фонда рабочие шахты и это называется «помощь угольной промышленности». Услужливо прогибаемся, угодливо коверкаем родной язык, подстраивая его конструкцию под речевые и письменные манеры иноземцев. Сегодняшние дети пишут невероятную транскрипцию: и-о-жык. Это - ёжик. А когда они смиряются, привыкнут к абракадабре, языковая диверсия коварно разворачивается - на противоположную позицию: а вот так, мол, пишется правильно... Итог - ненависть к родному (сложному) языку.

Все продумано тонко и не скупое (а кто скупится на войну, даже если она и невидимая, ментальная - Образ на Образ?!), шито не белыми, а позолоченными нитками. Аборигены ведь так любят все блестящее!

Два десятилетия назад Запад ввел понятие «раскол цивилизации». То есть, указывалось, что в эволюции человечества обнаружилась точка бифуркации - узел деления на два. Горюн-камень.

Человеческая судьба - выбор одноразовый, без запасной жизни. Пойдя однажды по одной из дорог, пратически уже не имеешь шанса перейти из мира в мир. Тем более, что существует немалая путаница: телесно мы живем все вместе на земле, а в выборе дороги судьбы руководствуемся примером другого, логическими или этическими критериями. Легче легкого сбить человека с пути, подменив ему этику. А русский выбор традиционно настроен на нее в наипервейшую очередь!

В России с ошеломляющим успехом опробован вариант именно этического раскола - бомбы для русской души.

Упорно говорить о душе в неодушевленном мире, стойко хотеть человеческого, соприкасаясь с нечеловеческим, - это значит будить лютую, неизъяснимую ярость в жителях соседнего пространства, иного мира.

Честного, граждански взволнованного, порядочного, говорящего прямо человека многие, не стесняясь, сочтут сумасшедшим. Они - нормальные. Новая жизнь для них - это новый порядок.

Было. Все уже было. Только испытание горем случилось вновь. Очень горьким горем, возможно, смертельной дозой - проглочена пилюля в красивой и сладкой чужой облатке. Радуйтесь и веселитесь: испытание беспмятством бессрочно.

6.

...Посреди дома стояла русская печь с «душником» - маленькой круглой дырочкой, в которую отец курил. Обычно он стоял, подставив под одну ногу табурет, и дымил своим неизменным «Беломором». Мне было лет пять и я в такие минуты терся около отца, спокойного, никуда не торопящегося, не занятого - дома мужского присутствия не хватало, вечная «собачья работа» куда-то звала; бывал он по-настоящему домашним редко.

Курил и рассказывал мне о том, как прыгал мальчишкой вниз головой с двадцатиметрового моста, как рыбачил на речке Мёше, какие мельницы были. Как на войну ходил, на самолетах летал.

Загадывал загадки. Одной из таких загадок были вопросы, на которые я ответить не мог, а отец упорно держал тайну и только шурился лукаво на мои домогания. Долго изводил.

- Что самое дорогое? - спрашивал он. И я начинал перебирать: золото, алмазы, Кремль...

- А самое любимое?

- Знаю, знаю! Мороженое!

- А что самое быстрое?

- Пуля!

- Самое мягкое?

- Воздух! Подушка! Вода!

- А самое твердое?

- Железо!

Отец докуривал, закрывал ?душник? крышечкой и, посерьезнев, уходил в угрюмый мир взрослых. Я канючил ему вслед: «Ну что самое быстрое?»

- Думай сын, думай.

Отец работал районным прокурором. Дома по ночам часто раздавались телефонные звонки, приезжала машина, стучали в дверь. Мать всегда истерично ворчала, а отец терпеливо объяснял: «Я на убийство».

Иногда у нас случались праздники, с большим столом, с множеством больших веселых людей, с тоскливыми песнями о рябинушке, - яркая вспышка во времени, переполненная суетой и вкусами. За столом подвыпивший отец, бывало, увлеченно начинал рассказывать собравшимся о всяких случаях из своей практики: опасностях, погонях, стрельбе, о жертвах и убийцах. Все слушали, забыв про еду, рассказывать он умел азартно, как мальчишка.

А потом снова наступала обыкновенная жизнь и мы снова виделись только у «душника». Взгляд отца часто бывал утомлен, застывал, переворачивался в самом себе и уходил куда-то глубоко-глубоко - в прыжок воображения, может быть, в бесконечно глубокую, любимую его Мёшу...

Однажды он заговорил о своих загадках не по установившемуся

обыкновенно. Сам с собой.

- Знаешь, что у человека самое дорогое? Жизнь. Самое любимое - это мама. Самое быстрое - мысль. Самое мягкое - ладонь, ее ведь под голову кладешь во сне... А самое твердое - это слово.

- Какое слово? - не понял я.

- Честное слово, сын. Нет ничего тверже!

Шел 1955-й год.

*****